

ОНИ НЕ ЛЮДИ, НО РАЗВЕ ЭТО ОПРАВДАНИЕ?

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

МАКС ДАЛИН

18+

Макс Далин

Семя скошенных трав

Серия «Жестокий новый мир»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74616486
Макс Далин. Семя скошенных трав: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255919-8

Аннотация

Человечество победило в первой межзвездной войне. Вражеская цивилизация шедми стерта, их планета превращена в радиоактивный пепел. Триумф землян кажется полным и окончательным. Но однажды патрульный крейсер обнаруживает базу чужаков, на которой находятся эвакуированные из погибшего мира дети уничтоженной цивилизации...

«Семя скошенных трав» – это жестокая и пронзительная драма о войне, предательстве и цене победы. В многослойном повествовании через судьбы солдат, дипломатов, журналистов и самих шедми Макс Далин ставит неудобные вопросы: что делает нас людьми, когда идеология и страх превращают разумных существ в расходный материал?

Содержание

1. Эвакуация	6
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Макс Далин

Семя скошенных трав

© Макс Далин, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Великолепная, пронзительная научная фантастика, написанная в лучших традициях мастеров жанра. О Земле и диких чужих планетах, о людях и инопланетянах, о ксенофобии – одной из излюбленных тем Макса Далина еще со времен «Убить некроманта», которая в этой книге, однако, раскрывается совершенно по-новому. И, конечно же, это книга о нас с вами,

живущих здесь и сейчас».

Евгения Сафонова, писатель, редактор

*** * ***

...Я слушаю наше дыхание...

И. Кормильцев

1. Эвакуация

*...На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы...*

Н. Доброцаров

...Они испытывают нас, а мы испытываем их...
Н. Анисимов

Саня

Чужая станция в нашей оптике напоминала огромный апельсин, медленно плывущий в пространстве вокруг безымянной звезды, отличающейся от прочих лишь номером в каталоге. Жёлтый карлик. Её ответ на керамилановом борту станции – цвета надраенной меди – делал эту космическую крепость ещё больше похожей на апельсин, оранжевый и в еле заметных впадинках сенсоров. Все люки – и ангара, и стыковочных отсеков, и ракетных установок – шельмы задраили. Станция казалась законсервированной и брошенной, но наш бортовой компьютер фиксировал активность систем жизнеобеспечения – у них работал реактор и наверняка что-то ещё работало.

«Апельсин» неторопливо проплывал перед нами – а мы думали, не вмазать ли по нему, пока тихо.

Ещё неделю назад никто бы и не усомнился: врезали бы в тот же момент, как засекли, из всех калибров, дальнобойным, особо мощным, развеяли бы по Простору эту сволочь, на атомы бы разнесли. Но сегодня командир медлил, и кано-ниры смотрели на него выжидательно, но он не шевелился и молчал. А «апельсин» не щетинился пусковыми пилонами и генераторами силового поля – такой безопасный, словно вовсе и не собирался с нами воевать.

А может, уже и не собирался. Война, в сущности, закончилась.

С другой стороны, мира они не просили. И не капитулировали. Так что – всё равно враги. Притом, что их уже больше нет. Их цивилизации больше нет – кончилась.

Круто, да?

Мы победили – совсем, основательно, окончательно. Просто – уничтожили их поганое логово, саму планету, и всё, что у них там моталось на орбите, на спутниках, ясное дело, тоже не уцелело. Вышло роскошно. Конечно, боевая операция стоила нам почти десяти тысяч жизней, и техники мы там потеряли неисчислимо, зато с гадами покончено навсегда. Договариваться они не желали, перемирия не желали – ну, так они и не представляли, с кем связались.

Говорят, у них на планете были чудовищные склады супероружия. Какое-то особое вещество невероятной мощно-

сти. Может, это и правда, а может, байки: если у них было столько атомных зарядов, как эксперты по ВИДу говорили, то и супероружия не надо, и так сдетонировало. В пыль и радиоактивный пепел. Раскололи их поганый Шед на несколько частей. Теперь у них там, вокруг их звезды, – новые астероиды. Допрыгались.

Всё это началось, когда я ещё не родился. Наши встретили их в космосе. Шедми-шельмы – находка века, подумашь. Но шуму было много. Года в три я сам играл с интерактивными фигурками шедми, модно было – родители мне и подарили. Фильмы, комиксы, передачи – всё это помню в невероятных количествах, про контакт там, про приключения в космосе... Ну как же. Сенсация! Гуманоиды! Принятые в Галактический Союз! Братья по разуму! Из любой дырки звучало – без разницы, был ли в той дырке динамик.

Но наши быстро остыли. Братья что-то не рвались дружить абсолютно.

Ничего они о себе не рассказывали, наших к себе не звали, сами на Землю особо не совались. И вообще так себя поставили... оставьте, мол, нас в покое. Ну, максимум, еле-еле, на Шед пускали учёных – и основательно присматривали, чтоб те не узнали чего лишнего. Ещё тогда начались разговоры, что образ жизни у братцев – не особо, что они и к своим и к чужим совершенно беспощадны, практикуют ритуальные самоубийства и издеваются над детьми. Но это говорилось между делом, так, в рубрике «Обычаи экзотических миров».

И осторожно, чтобы они не обиделись, если они вдруг смотрят наши передачи, что вряд ли.

А рухнула вся эта аккуратная дипломатия как раз в тот год, когда я окончил институт.

Шельмы нас долго тихо ненавидели – и в конце концов неожиданно атаковали нашу научную станцию на планете Океан-2. Без причин... вернее, причины, конечно, были: их отвращение к людям, которое и в мирное-то время им было тяжело скрывать. Я потом видел по ВИДу, как их пленные говорили, что люди – чума космоса, плесень, которую надо стереть, и всё такое. Некоторые – по-русски. Они готовили вторжение, вот что, и знали о нас гораздо больше, чем мы о них. Потом выяснилось, что якобы учёные-шедми, которые работали на Земле, на самом деле собирали сведения о нашей защите и помогали готовить это вторжение. У них всё было схвачено – и наши, лопухи доверчивые, обнаружили весь этот кошмар уже в самый последний момент.

И славно. Иначе с Землёй было бы сразу покончено.

Ту нашу станцию на Океане-2 шедми разбомбили в прах. Убили практически всех; добивали раненых, сожгли всё, что могло гореть. Случайно выжил только один из наших пилотов, но шельмы в этом не виноваты: его орнитоптер упал в океан, наши потом сумели его засечь, подобрали умирающего.

Такого никто не ожидал. Земля содрогнулась. А они в это время нанесли второй удар – на Океане-3. Эти две колонии

их интересовали прежде всего: шедми могут жить только у воды.

Так началась чудовищная война, которая длилась целых четыре наших года. С ужасными потерями: твари показали себя во всей красе. Оказались зверюги без признаков совести и жалости вообще. Свою жизнь не ценили ни в грош, а чужую – и подавно. И да, судя по тому, какие мы иногда получали записи, действительно ухитрялись измываться над собственными детьми даже в военное время.

В общем, будь они монстрами из старых двухмерных фантастических фильмов, теми, что заводятся у человека в животе, а потом прогрызаются наружу – и тогда война была бы менее страшной. До самой последней минуты было неясно, чем всё кончится. И наши ещё пытались что-то поправить, убедить тварей, даже пойти на уступки, но шедми всех этих попыток в упор не видели, только иногда, развлечения ради, убивали наших дипломатов.

В начале войны ещё говорили: шельмы могут получить помощь от Галактического Союза, но Союз от них отвернулся и, по-моему, правильно сделал. И так нам пришлось положить сотни тысяч жизней за победу... Но у них потери числятся миллиардами, так что получили они по справедливости. За всё зло, которое нам причинили. Гады.

И теперь-то войне, наверное, конец.

Но было не очень понятно, что делать с этими недобитками, которые вроде бы сидят и не барахтаются.

Оставить их в покое – это могло означать любые гадости потом. Нам только что сообщили, как с одного такого «апельсина» позавчера открыли огонь по патрульному крейсеру Земли – бой был нешуточный. А другой «апельсин», уже на наших глазах, взорвали они сами. Покончили с собой. Видно, жить не хотели после гибели планеты, а может, ресурс уже был на нуле – и прислать больше неоткуда. В плен шедши не сдавались из принципа.

Но, с другой стороны, взять их станцию целенькой – редкая радость. Практически никому из наших не удавалось. А вдруг?

– Что будем делать, Антон? – спросил старпом.

Капитан потёр подбородок, не отрывая взгляда от панорамы на мониторах слежения. «Апельсин» плыл молча и мирно, не делая никаких резких движений. Мы могли бы расстрелять его как мишень. Вправду необычно и на шельм вообще-то не похоже.

– Ладно, – сказал капитан, мотнув головой: принял решение. – Сближаемся помалу. Посмотрим, что он будет делать. У ракет – по местам стоять. Приготовить электромагнитные пушки. Активировать генераторы защитного поля. Слухачам – задействовать все сканирующие системы. Боевая готовность.

«Апельсин» в нашей оптике дрогнул и еле заметно отклонился вправо.

Я почувствовал, как у меня руки трясутся. Но посмотрел

на них и ничего не увидел. Такая внутренняя нервная дрожь, от напряжения. Распсиховался некстати, хорошо ещё, что незаметно. Я ещё в самом начале войны просился в военный флот, должен был. Алинка, моя старшая сестра, и её муж Эрик работали на Гедеане, там был наш посёлок терраформеров. Удобный мир для колонизации: магнитное поле, сила тяжести, атмосфера – всё подходящее... И ведь подлость-то: был очередной сеанс дальней связи, Алинка с мамой поговорила и проболталась по секрету, что уже на третьем месяце, а буквально сразу после сеанса наши засекли два шедийских ракетноносца. Помощь не успела.

Мама потом всё просила фотки показать, плакала и просила, будто это что-то изменило бы. Мы с отцом те фотки стёрли из нашей личной директории. Не надо было маме это видеть. От посёлка почти ничего не осталось, а уж от тел-то... В общем, я тогда решил, что просто обязан что-то сделать, чтобы не взбеситься от горя и от беспомощной злости. Отец не останавливал.

Но меня призвали только полгода назад, а на боевом корабле я оказался только после долгих тренировок на станции дальней связи, когда всем доказал, что могу работать в глубоком космосе. Это у меня ещё оказался талант – иначе не видать бы мне военного флота как ушей. Но всё равно меня вместе с пополнением прислали на этот ракетноносец буквально уже перед самой дракой за Шед. Я пока что видел бои только в записи – теперь меня и ужасало и восхищало, что

сейчас может начаться настоящее сражение.

Восхищало моё участие.

Ужасало то, что сам я ни на что не влиял и ни защищаться, ни атаковать не мог. Сиди, ищи канал связи... пока жив. За тебя всё другие решат.

Все эти мысли у меня в голове промелькнули за секунду – и спустя эту самую секунду на пульте передо мной вспыхнул индикатор видеовызова по открытому каналу, стандартному, который с подачи Галактического Союза используют для связи все, кто вышел в космос. Программа «Эхо». Не соединяя, ясно кто.

Я даже вздрогнул.

– Антон Михайлович! – сказал я, кажется, чересчур эмоционально – то ли радостно, то ли перепуганно до неприличия. – Шельмец просит видеосеанс!

– Дай, – сказал капитан. Первый раз я увидел, как он удивился.

И понятно: невероятная же ситуация.

Я повернул верньер пальцами, которые вдруг стали ужасно неловкими.

Перед нами возникла отличная голограмма. Даже завидно, какая у них была качественная аппаратура: шедми нарисовался так явственно, будто стоял в рубке.

В первый раз в жизни я его так рассматривал. Громадный, в синей униформе с серебряным кантом – ростом со старпома, но шире в плечах и в груди. Я знал, что кровь у них

синяя, и думал, что рожи синюшные, обычно на голограммах и фотках так и выглядело, но у этого мордоворот был серовато-бледный, а губы лиловые, как у замёрзшего. Клыки высоко торчали изо рта, будто у кабана-секача, длинные и ослепительно-белые. Глазищи поражали: чёрные, совсем чёрные, живая чернота во всю глазную орбиту, влажные и глубокие, в длинных мохнатых ресницах. Прямой немигающий взгляд, но мне показалось, что глаза не злые – скорее усталые и печальные. Короткий нос. Волосы, стального цвета, как тёмная седина, прямые, гладкие и тяжёлые, собраны в два длинных хвоста, хвосты свисают на грудь. Разрешение изображения настолько высокое, что можно разглядеть даже сегментированный панцирь крохотной твари, вросшей в кожу шедми под нижней губой: ножки через тонкий слой кожи чернеют, как сквозь матовое стекло.

Но шедми был, по чести сказать, не особо страшный и даже не особо отвратительный. Это меня слегка удивило: даже в лучшие времена, когда был контакт, они мне казались огого какими монстрами. Наверное, дело в том, что у этого какая-то мысль, что ли, читалась на морде. Разум.

Не как в кино.

Не знаю. Это всё подумалось в одну секунду. А шедми неожиданно сказал по-русски, но с сильным жёстким акцентом:

– Говорит космическая станция «Форпост-8». Антэ Хыро, дэшифровщик. В настоящий момент за пэрсонал и пас-

сажиров отвэчаю я. Прошу нэ открывать огонь. Здесь дэти.

– Что? – вырвалось у капитана.

Мы все смотрели и слушали как громом поражённые.

– Дэти, – повторил шельмец чётко. – Пят тысяч дэтей. Эвакуированные с Шеда. Сыроты.

Это было так невероятно... Мы ждали чего угодно. Мы ждали угроз, проклятий, сдачи в плен, уничтожения станции, боя, но пять тысяч сирот – это оказалось слишком.

Дети.

Обалдеть.

Капитан дослушал до конца. Шурился. Может, прикидывал, врёт шельмец или говорит правду. Или – к чему это всё может привести.

– Что вы хотите, господин Хыро? – спросил капитан ледяным тоном.

Я понял, что он не верит.

– Я прошу вашей помощи, – сказал шедми. – Младэнцам вредно долго прэбыват в анабиозных камерах. Подросткам тоже нэ полэзно. Это – военная станция после нэсколких боёв. Гравитация нэ стабільна. Рэактор фонит. Систэмы жизнеобеспечения нэнадёжны. Прошу вас нэ оставлят дэтей в космосе. Это – последние шедми.

– Я понял, господин Хыро, – сказал капитан, и его тон не стал теплее ни на градус. – Я подумаю. Ждите следующего сеанса связи. Вы поняли?

– Я понял, – сказал шедми с совершенно непроницаемой

миной. Он так ни разу за разговор и не моргнул, и не опустил глаз. И ни один мускул на его мертвенной морде не дрогнул.

Голограмма мигнула и пропала.

Старпом длинно, фигурно выругался.

Капитан зажмурился и потёр переносицу.

– Чёрт бы их взял с их ублюдками, – пробормотал он. – Что ж нам делать-то теперь? Сиротки, мать их... Саня, передавай на Землю, шифром: «Ракетоносец “Святой Петр” – база. Обнаружена военная станция Шеда. Персонал вышел на связь»... как бы сказать?.. Ну, давай: «По их уверению, на станции находятся пять тысяч детей из их мира. Запрашиваю указаний». Твою дивизию, подкинули подлянку... стой, это уже не надо!

Экспространственная волна идёт быстро. Наш командующий на Земле получил сообщение, и система известила, что он получил сообщение, но ответа мы ждали ужасно долго. И молча. Старпом ходил по рубке взад-вперёд, то и дело начинал вжикать застёжкой на нагрудном кармане – потом спохватывался, переставал, потом – снова... Капитан барабанил пальцами по пульту. Только канониры наблюдали за станцией в прицельной сетке и обменивались какими-то односложными комментариями, видимо, профессионально канонирскими, потому что я их не понимал. Я пытался слушать космос в паре светолет вокруг, но ничего не находил, кроме треска помех, создаваемых активностью местного солнца.

Со станцией «Форпост-8» никто не связывался.

Логично: ведь некому.

Я пытался представить себе этих детей. Сирот. Бедных деточек, чьи родители, глазом не моргнув, расстреливали наши безоружные базы в колонизированных мирах – где наши дети были. И беременные женщины. И ничего, не останавливало это шельм. Вот такие же у них были бесстрастные морды, когда они клали ракеты на цели.

Но мы – гуманные, мы – пожалеем, да?

Кровь у них синяя, но дышат они кислородом, как и мы. Говорят, Шед был очень холодной планетой, и шедми могут купаться в воде, температура которой приближается к нулю, да и вообще – любят холод, хоть и теплокровные. Но не млекопитающие – а какие, интересно? У их женщин нет грудей, у их мужчин клыки, как у кабанов, но, вообще-то, на людей они здорово похожи. Форма удобная, конвергентное сходство.

Гуманоиды. Братья по разуму.

Расплакаться над их горькой судьбой?

Интересно, мы все напряжённо ждали сигнала с Земли, но он всё равно пискнул, когда я на миг отвлёкся, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Земля ответила шифрограммой: «До прибытия специалистов ничего не предпринимайте. От базы на 548-Ан-Эр-050 “Эльба” к вам вылетели представители КомКона и Этнографического общества. Исследовать станцию разрешаю только в их присутствии».

– Прекрасно, – сказал капитан зло. – Начали разводить

антимонии и сопли сосать. Теперь будем тут ждать у моря погоды, а потом прилетят... голуби мира... ворковать и гадить...

– Не заводись, Антон, – тихо сказал старпом. – Пусть, в самом деле, комконовцы решают, это их дело. Тебе надо возиться с такой толпой выроdkов, а? Ты знаешь, что от них ждать?

– А кто вообще знает, что от них ждать? – сказал капитан. Он был очень раздражён, но держал себя в руках. – По мне, и взрослых и детей надо бы... В общем, нет Шеда – нет проблемы. А пока есть шельмы – и проблема есть. У всей Земли, мать их...

– Так ведь Шеда и нет, – негромко сказал канонир Стас, самый старший в экипаже и воевавший дольше всех. Он носил нашивки за ГЦ-471-зет, за Плутон и за караван, который ещё в самом начале войны сопровождал к нашей базе на Незабудке. Какая там была заваруха – он избегал распространяться; я только знал, что с тех пор у него треть костей распечатана и пересажена. – Что мы, фашисты – открывать огонь, заведомо зная, что там их детёныши?

В последнее время ВИД постоянно держал в «горячо рекомендуемом» плоскую и чёрно-белую хронику почти двухсотлетней давности. Напоминал, что с нелюдью мы уже воевали, победили – ну и сейчас справимся. Только они назывались «нацисты», Стас перепутал, – наверное, от напряжения и усталости. Я не посмел поправить.

– Заведомо? – старпом поднял бровь.

С ходу поверить шельме – это додуматься нужно. Но Стас – святой человек, всем известно.

– Связываться с ними не надо было, – сказал второй капитан, Арман, молодой, чуть старше меня. – Теперь-то – конечно, а вот врезали бы сразу...

Капитан вздохнул, сдерживая раздражение: он был согласен с Арманом. И я был согласен с Арманом. Им с капитаном в этой войне досталось больше всех в рубке. У капитана погибли сыновья, оба, вместе с нашим крейсером «Справедливый», взорванным ещё в первых боях, а Арман потерял всю семью, работавшую на уничтоженной станции связи в районе системы Т-897-омега – на Земле по этому поводу был объявлен трёхдневный траур. Как он вообще умудрился удержать себя в руках, а не всадить ракету сразу – даже понять тяжело. Дисциплина, да. Но я бы на его месте...

– Дети, – почти шёпотом сказал Стас. – Дети же.

Ясное дело. Он одинокий. Всю жизнь болтался по космосу, чужих детей спасал – своих не завёл. И рана у него в душе на этом месте, ничего не сделаешь.

– Дети, – кивнул капитан. – Не спорю. Допустим. Но в осином гнезде, знаешь, тоже дети. Только не человеческие. И вырастут из них осы. Состоящие главным образом из жала. Пожалеешь?

Стас отвернулся и принялся что-то поправлять в прицельной сетке.

– Что ж Землю вызвали, капитан? – спросил Арман. – Ответственность на себя решили не брать?

Капитан промолчал.

«Апельсин» плыл перед нами тихо-тихо, и тень нашего ракетноносца на нём превратила его в луну, убывающую на четверть.

– Сколько их ждать-то? – хмуро спросил старпом. – Так и ждать – по боевой тревоге? Ведь любая провокация возможна, так я понимаю?

Капитан неожиданно улыбнулся.

– Точно, – сказал он. – Вот бы они её устроили, провокацию... Вот пусть только дёрнутся! Пусть хоть шевельнутся – я тогда... и буду полностью прав, перед Землёй и перед совестью. Я всё, что полагалось, сделал.

Эти его слова, по-моему, всем всё объяснили, и все успокоились. Но мне было как-то не по себе.

Я пытался представить себе этих... пять тысяч...

Осы...

Нас и взрослые-то яростно ненавидели, а эти, очевидно, и вовсе... И дело даже не в пропаганде, мне кажется. Ведь у них был дом, история, всякие архитектурные памятники, священные места, где их предки поклонялись каким-нибудь тамошним богам, курорты там, заповедники... Теперь ни черта у них больше нет. Ни музеев, ни заповедников, ни курортов, ни школ, ни больниц... ни их домов. А их мамы и папы превратились в радиоактивный пепел. Если подумать,

то они должны гораздо больше нас ненавидеть, чем мы их. У меня по спине полз мороз, когда я всё это себе представлял.

Если они уже не в пелёнках младенчики, то, конечно, попытаются отомстить. Наши бы попытались. Пять тысяч – это много, вообще-то. Как население колониального посёлка. Они могли бы начать всё сначала... и счёты с нами вести. Наши бы обязательно попытались, я сам бы попытался, даже если бы был ещё первоклашкой. В людях свободолюбие крепко завинчено.

Может, в них тоже.

Сил у них, конечно, не хватит, Подумаешь, горстка безоружной или почти безоружной мелюзги против всей нашей мощи. Обломок их Армады, обмылок.

Значит, выходит, так убили бы, и так убьём?

А эта попытка переговоров, в самом лучшем случае – только отсрочка?

Ну и зачем тогда? Нет, Арман был прав. Это было бы и рационально, и справедливо.

Но теперь уже делать было нечего – мы гуманисты, с детьми не воюем, вроде того – и я ждал, когда к нам прилетят представители КомКона. Они умеют общаться с чужаками, даже очень сложными и страшными чужаками. По идее, они должны были разобраться с этой отвратительной ситуацией.

Хотя четыре года КомКон пытался. И четыре года Шед на эти попытки плевал с большой высоты. И вовсе не известно, что будет теперь.

Но, с другой стороны, шельмы явно стали миролюбивее и разговорчивее. Когда припёрло – так «помогите». Ладно, поглядим.

* * *

Капитан отменил боевую тревогу через час, но готовность номер один оставил. Шедми ровно ничего не предпринимали, вообще не шевелились; космос вокруг был тихий-тихий, ни единой попытки с «апельсина» хоть с кем-нибудь связаться. Нашим это казалось здорово подозрительным, но я думал: интересно, они что, и вправду боятся, что мы жажнем и погубим их детей? Они же, может быть, любят своих детей? Тревожатся за них? Логично же?

Хотя о любви шедми к детям мы наслышаны. В подробностях.

А между тем весь экипаж такое положение вещей раздражало и нервировало – по тону было понятно, когда рубка связывалась с отсеками. Мне кажется, почти все наши считали, что вся эта история с детьми – провокация. Продуманная. Иначе с чего это шельмец так лихо чесал по-русски? Даже не на интерлингве и не на английском, а прямо по-нашему? Ведь неспроста же, правда. Натурально, готовился.

У техников на эту тему была дискуссия, и нам они сообщили, что думают. А думали, что шедми заманивают наших к себе на станцию. Вот заманят – и самоликвиднутся, вместе

с нашими. А в идеале, если мы стыкуем ракетоносец с ними. Тогда можно будет заодно и ракетоносец уничтожить – в общем, продать свою жизнь подороже. У них всякие смертники в порядке вещей, об этом много говорили и писали. Да что там, я видал и своими глазами.

И выходит, что шельмы нас хорошо понимают. Понимают, что мы не станем сразу палить по детям. Знают же, что у нас гуманизм несмотря ни на что.

И если это провокация, то гадство это просто из ряда вон выходящее. Мы надеялись, что не провокация всё-таки, хоть я и понимал, что надежды мало.

Что мы, не знаем их, что ли?!

А комконовцы были у нас на борту уже через десять часов. Очень быстро обернулись, даже удивительно. Впрочем, это оказалось ещё и не самым удивительным.

Их подкинул военный транспортник, старенький типовой ОС-5, какие на флоте называют «выючными осликами». На таком «ослике» прыжок с Земли занял бы пару суток – его допотопные гипердвигатели, давным-давно и плоховато скопированные с тех, самых первых, которые нам подарили кундангианцы в самом начале контакта, сначала надо разгонять, а потом тормозить. Я подумал, что комконовцы работали где-то поблизости и их срочно сдёрнули разруливать экстремальную ситуацию, – и оказался прав: пилот «ослика» рассказал, что держит путь с исследовательской станции в этом самом звёздном скоплении, а КомКон его с дороги позвал на

свою базу. Там, мол, тоже было целое дело, но не досказал, и повеяло секретностью.

Наши слушали и качали головами: нашли, мол, время сейчас что-то исследовать. Пилот качал головой, только по другому поводу. Ему и ситуация не нравилась, и состав группы не нравился – и кто бы его осудил!

Старший группы, обритый наголо худощавый человек лет чуть за тридцать, с симпатичным лицом, подвижным, как у киноактёра, носил нашивки КомКона на форменном комбезе пилота Обороны Федерации. Второй, высоченный лохматый парень, совсем молодой, может, на пару лет старше меня, и вовсе был в модных штанах и широкой рубаше, даже вместо магнитных ботинок носил кроссовки – вот дурак или как? Сразу видно, что гражданский, недавно с Земли. Но третий...

Третий был – шельмец.

Шедми.

Натуральный.

Комконовцы шельмеца с собой припёрли. Нет слов.

Я впервые в жизни увидел шедми рядом, наяву, хоть дотронься. Живого. Когда я понял, на что смотрю, меня будто кипятком окатило – бросило в жар.

Потому что, вообще-то, до сих пор шедми были для всех нас – враги где-то далеко. Мне даже казалось иногда, что они существуют только в виде голограмм и изображений на мониторах. А тут...

Он был громадный. Широченный. В рубке занимал ужасно много места. Наш здоровенный старпом, любительски занимавшийся тяжёлой атлетикой, выглядел рядом с ним среднекрупным человеком. Но при этом мышцы у шельмеца не выпирали, он казался «шедми нормального телосложения», если можно так сказать, и я подумал, что их атлеты, наверное, кажутся просто карикатурными громилами.

Рядом с людьми было особенно заметно, какой он белёсый, просто землисто-бледный. У землян так выглядят только обескровленные трупы. Но длинные, с палец, клыки на выдвинутой вперёд нижней челюсти сияли сахарной белизной, выделялись даже на фоне бледного лица. И глаза выделялись: чёрные и влажные, в длинных пушистых ресницах, очень красивые глаза на безобразной морде. На Земле такие глаза бывают у тюленей или у газелей; всё портил только прямой немигающий взгляд. А нос – короткий и широкий, приплюснутый такой, как у некоторых обезьян, только с ноздрями, закрывающимися внутрь. Не обезьяний, конечно, а тюлений. На переносице, у самых глаз – два тёмных шарика, справа и слева, тоже, наверное, панцири мелких морских гадов, которые у них вместо украшения. А ещё очень странная причёска. Я видал похожие на некоторых старинных картинках у земных женщин: коса, в которую забраны пряди волос с боков. И эта коса, белёсая, вернее, цвета сухого песка, уходила сзади под футболку с эмблемой КомКона: на шельмеце были только футболка и короткие штаны, чуть ниже колена.

Между ними и магнитными ботинками – голые ноги, мертвенно-бледная, как сероватый гипс, кожа без волос.

Вдобавок от него сильно несло чем-то вроде рыбьего жира. Довольно противный запах.

Наши глазели на него как на невидаль. Даже не враждебно по-настоящему – просто глазели, ошалев от такого невиданного зрелища. Абстрактный враг обрёл реальность, показался во плоти – мы такого и не ожидали.

Может, у кого-нибудь и чесались руки его убить, но по лицам это не читалось.

Даже у меня – не чесались. Было ужасно интересно. Я понял, почему наши пытались брать их в плен, несмотря ни на что.

А старший группы сказал капитану:

– Я – Алесь Прокопович, КомКон, группа, работающая с Шедом. Вот это – Юлий Самойлов, специалист по шедийской культуре, а это – Данкэ из Коро через Урэ, врач-педиатр. Нам просто повезло, что он с нами и смог прилететь.

Этот Алесь так невозможно спокойно представил шедми, как человека представлял бы. Данкэ из Коро через Урэ (как это?), врач-педиатр, нормально, в порядке вещей! С детьми же придётся общаться...

Спокойные такие ребята эти комконовцы! Хоть бы предупредили, что ли...

Капитан посмотрел мрачно, но пожал людям руки, а шедми капитану свою не протянул. И неожиданно извинился,

по-русски, довольно правильно произносятся слова:

– Я не умёю так здороваться, капитан, – и, кажется, ухмыльнулся. Клыки ему мешали. А может, он так скалился, не знаю.

Капитана передёрнуло. В жизни бы он не стал здороваться с шельмой за руку, побрезговал бы.

Алесь тут же сказал:

– Антон Михайлович, мы бы хотели посмотреть запись вашей беседы с персоналом станции. На основании этой записи нам проще будет сделать правильный вывод.

Капитан пожал плечами:

– Смотрите. Саня, покажи ему.

Я включил повтор.

Все эти трое подались вперёд, слушали с чрезвычайным вниманием и, по-моему, рассматривали того шедми, который с нами связывался. Лица у них были напряжённые и встревоженные. Прямо так переживают и дёргаются, не скрывают даже... не привыкли у себя в тылу.

Когда запись кончилась, Алесь спросил, но почти утвердительным тоном:

– Он же штатский, да?

– Старшие позвали, он пошёл, – сказал Данкэ. – Защищать океан и наших детей. Да, лингвист или переводчик. Конечно, не имеет права говорить за весь персонал, если жив командир.

– Там у них случилась какая-то трагедия, – сказал

Юлий. – Беда.

– У всех нас – беда, – сказал шедми. – А у них – ответственность. – И сказал что-то на шельмовском языке, с урчанием и придыханием.

Почему-то, когда он перешёл на свой язык, мне стало не по себе. И не только мне, кажется.

– Давление – как на глубине, – тут же перевёл Юлий, поймав неприязненный взгляд капитана. – Это поговорка такая: ответственность давит, как океанская вода на большой глубине... А с ними можно связаться?

Капитан переглянулся со старпомом. Этот взгляд означал: «Ну вот, началось!»

– Саня, – сказал он, даже не пытаясь скрыть неприязнь, – свяжи их с шельмами. Пусть побеседуют о вечном... – И, по-моему, проглотил какое-то крепкое словцо.

Я стал вызывать «апельсин». Я понимал наших, но сам не злился – и комконовцы меня не особо раздражали. Меня не раздражал даже шельмец, которому, по-моему, было жарко в рубке: я чётко видел, как по его виску ползёт капелька пота.

Мне только было ужасно интересно. Я чувствовал себя героем приключенческого ВИД-фильма.

Откликнулись они тут же – тот самый Антэ Хыро, будто он дежурил в рубке около передатчика. И когда он увидел Данкэ, у него на морде дрогнула какая-то фибра. То ли тик на нервной почве, то ли он очень уж сильно дёрнулся, увидав своего, но тут же взял себя в руки.

У них не положено хоть как-то показывать, что чувствуешь.

А заговорил не Данкэ, а Алесь.

– Рэвоэ, Антэ-хиэ, – сказал он тоном, совершенно невозможным ни для кого из наших. Каким-то... братским, что ли. Неправильным. – Мы представители Комиссии по Kontakтам с Земли. С нами Данкэ из Коро, детский врач. Мы прибыли, чтобы решить вместе с вами, чем мы можем помочь. Возьмёте нас на борт?

Антэ опустил взгляд, первый раз. Он как будто задумался на несколько секунд. Потом медленно сказал:

– Мы откром шлюз, чтобы прынят модуль.

Наверное, он догадался, что стыковку с ракетоносцем наш капитан ни за что не разрешит.

Пилот «ослика» тут же сказал вполголоса:

– Я этот модуль не поведу.

– Я поведу. – Алесь улыбнулся как кинозвезда. – Принимайте гостей, Антэ-хиэ. Нас будет трое.

И тут меня чёрт дёрнул. Буквально. Само вырвалось:

– А можно, и я тоже? – И я тут же придумал, как это оправдать. Чтобы никто из наших не подумал, что из дурного любопытства. – Я умею работать с «оком», нашему капитану будет спокойнее, если устроим прямую трансляцию... да, Антон Михайлович?

Я боялся, что капитан сразу всё поймёт и запретит, но он кивнул.

– Хорошая мысль, Саня. Настраивай «око» и сопровождай... – И добавил совсем другим тоном, с сарказмом повышенной ядовитости: – Если, конечно КомКон не возражает.

И эти трое на меня посмотрели. А я вытащил из капсулы портативную камеру, «всевидящее око», и приклеил липучкой ко лбу, где должен быть третий глаз у всяких сказочных существ. И начал ужасно делово настраивать картинку на мониторе – будто ничего меня больше не интересует.

Сердце у меня жарко колотилось. Я же буду – первый человек на станции шедми, которую они сами сдают! Обалдеть, какая сенсация! Эта запись, наверное, попадёт на вечные времена в архив ВИД-ФЕДа.

Если и не геройство, то всё равно – круто! У меня даже ладони вспотели.

Комконовцы переглянулись.

– Не возражаем, конечно, – сказал Алесь. – Антэ-хиэ, прости, не трое, а четверо. Ещё будет оператор связи. Хорошо?

– Мы вас встрéтим, – кратко сказал шельмец и отключился.

Видимо, шедми сразу начали манёвр. Я увидел, как «кожура апельсина» треснула, и её треугольный фрагмент медленно поехал вверх, открывая посадочный стенд для модуля.

– Пойдёмте, – весело сказал Алесь. – Не годится заставлять их ждать. Они и так нервничают.

Капитан шевельнул губами. Я, вообще-то, по губам читать не умею, но в данном конкретном случае догадался, что он

сказал про себя.

«Не подохнут».

Ну да. Нервничают, бедняжки. Ага.

Мы с комконовцами пошли к модулю. И команда «Святого Петра» на нас смотрела так, будто мы отправлялись на смертельно опасное и не особо необходимое дело. Сочувственно, но к сочувствию примешивалась, по-моему, какая-то тень осуждения.

Но это – на людей. На шедми все по-прежнему просто глазели. Мне кажется, он воспринимался как дополнительная проблема.

* * *

В модуле было прохладно, уж точно не стандартные плюс 18 по Цельсию на ракетоносце.

– Не простудишься, если я ещё проветрю? – спросил меня Юлий. – Данкэ жарко.

Я демонстративно застегнулся до самого подбородка, но спохватился и сказал:

– Проветривай, конечно.

Юлий включил охлаждение – и потянуло ледяным ветерком. Шедми откровенно ухмыльнулся – как мы, растянул губы и сузил глаза. Ухмылка из-за клыков выглядела кровожадно.

– Я люблю тепло, – сказал он. – Но у вас всегда немного

слишком. Душно. Очень хочется ветра. – И подсунулся под самый кондиционер.

Я знал, что на Шеде атмосфера была кислородная. В процентном соотношении не совсем такая, как на Земле, но тоже кислородная – наши могли бы там спокойно дышать. Только, конечно, у них там своя биосфера, бактерии, вирусы – кто знает, как мы на нихотреагируем! – и мне вкололи два шприца биоблокады.

– Шедийская формула, – сказал Юлий. – С учётом местных особенностей.

Я понял. Станция, натурально, не может быть стерильной. А после обновления биоблокады мне надели самый шикарный на свете комконовский дешифратор с прямой ментальной связью. Правильно: все шельмы точно по-русски не болтают. Наверняка перейдут на свой, а надо, чтобы наши на «Святом Петре» поняли. Я тут же подключил дешифратор к «оку», чтобы у наших видеоизображение сопровождали субтитры.

– И поставь на запись, – сказал Алесь. – Мы потом заберём дубликат. Я тоже пишу, но печёнкой чую – твой нам особенно пригодится.

Я кивнул, врубил режим «дневника». Думал в это время, что один дубликат непременно и себе оставлю. В личный профиль, на память.

Алесь грамотно и точно посадил модуль на стартовый стенд, откинул колпак, и мы увидели, какое там, у них, всё

зашорканное. На стенде и вокруг вообще осела копоть – кто-то, наверное, швартовался аварийно, и шельмы даже чистить не стали. Видимо, у них времени не было, а может, не хотели персонал отвлекать. Искусственная гравитация работала – заметно потяжелее, чем на Земле, но Шед сам по себе был чуть тяжелее, так что у них просто была привычная для них тяжесть.

Воздух они пустили со станции. Запах пластика и горючки, ещё какой-то химии и тухлой рыбы – вот как тут несло. Не райский аромат, я бы сказал. И я, отчасти ради точности, отчасти – с некоторым злорадством, что ли, поменял настройки «ока», чтобы писать и запахи тоже.

А шедми вошли, как только пустили воздух. Мне показалось, что целая толпа. Серые тени. У меня на руках дыбом поднялись волоски; у них тут было здорово холодно, градусов 5–6 по Цельсию, а меня бросило в жар.

Осознал: мы среди врагов, да ещё и каких. Нас убьют – и никого это не удивит. Закономерно же!

Но тут я их рассмотрел. Не так их оказалось и много.

Антэ Хыро, который разговаривал с нами, – это понятно. Рядом – громадный шельмец с изуродованной мордой: белёсый синеватый шрам идёт от виска до верхней губы, клык, видно, выбит, зато второй – длиной сантиметра четыре и выкрашен алым, будто им только что вспороли кого-то. В форме их Армады, волосы скручены в узел на макушке, вместо чёлки до самой скулы свисает одна длинная прядь – шрам

закрыть не получилось. И всё, это все мужчины, а ещё с ними – две женщины.

Что удивительно, тётки-шельмы сравнительно крохотные, миниатюрные, и даже в своём роде красивые – не по-человечески, но всё же. Рядом с такой машиной смерти двухметрового роста, поперёк себя шире – дюймовочки, изящные, гибкие, хорошо если метр семьдесят, а то и ниже. И без клыков. На землисто-бледных лицах выделяются только громадные глазищи, влажные и трагические, как у раненых оленей. Панцири морских существ у них на лицах – как мушки у старинных красавиц. Две тётки: одна – в шельмовской военной форме, вторая – в каком-то таком мантио или в шубке из блестящего меха и замшевых штанах со сложным орнаментом.

А ещё с ними была совсем мелкая шельмушка.

Оно самое, о чём говорили в программах ВИДа. Волосы – в два хвостика, на круглой рожице – носик-кнопочка и глазищи, тоже круглые.

И громадный живот, раздутый, как арбуз.

Либо как у тяжелобольной, либо как у сильно беременной – но уж кого я обманываю. Прямо уже вот-вот рожать – тогда у них бывают такие животы. Говорят про такие: «на нос лезет».

Платице на ней как для подиума. Полоски серой и золотистой замши, полоски пушистого меха – плечики торчат, коленки, подол – из отдельных полосок, как бахрома. И макияж как у взрослой тётки: губы выкрашены ярко-алым, гла-

за обведены синими и розовыми тенями, ярко.

Ясно, что с ней тут происходило. Этих шельм учат всяким мерзостям чуть не с пелёнок, всю правду про них рассказывали. А потом говорят людям: «Не открывайте огонь, здесь дети...» Гниды.

А ведь кое-кто из наших орал: «Подлая пропаганда, не может быть! Они – члены Галактического Союза, у них цивилизация!» – ну да, конечно. Оно и видно, какая именно у них цивилизация. Свободные взгляды на отношения полов.

Всё это я заметил и подумал в одну секунду, и, наверное, лицо у меня здорово изменилось. А накрашенная девчонка поймала мой взгляд – и взглянула зло. Сузила свои глазищи и нос сморщила, подняла верхнюю губу, как сердитая кошка.

Будто это я виноват.

Если бы не было войны, она сидела бы дома с папой и мамой... хотя... их отбирают у родителей в младенчестве. И муштруют на всякие извращения – независимо от пола. Так что ей бы так и так сильно досталось от жизни, я тут совершенно ни при чём. Но у комконовцев был такой вид, словно они ничего и не замечают... или не понимают. Невозмутимый. Ну да, дипломаты, да...

– Хэталь вас любит, родичи, – сказал Алесь на шельмовском языке. – Мы верим: будет любить всегда. Брат Антэ, вы можете быть спокойны за жизни детей: военные предупреждены, они не откроют огонь. Но где же командир станции, командиры боевых секторов и бойцы? Где остальные?

– За пределом, – сказал Антэ. – В океан ушли. Кроме Дга-хоу с Атолла, оператора внешнего наблюдения. Он – в нашем госпитале. Кома.

– Был бой? – спросил Алесь.

– Да, – сказал Антэ. – На этой станции мы убили своих родичей. Наш командир и мой старший брат приказал взорвать двигатели. Мы не могли подчиниться, а бойцы не могли позволить нам не подчиняться... и мы убивали. Потом брат и сестра покончили с собой – тоска и вина их утянули на дно.

– Сочувствую, – сказал Алесь глухо.

Наш... ну, как наш... комконовский шедми вдруг подал голос:

– Родичи, девочка не в анабиозе, потому что роды опасно близки? – и тронул эти штуки на переносице, таким жестом, каким люди поправляют очки.

Девочка посмотрела на него, щурясь, и выпалила:

– Ты нам – не родич!

– Ты опрометчиво судишь, Аэти, – сказала женщина-шедми в шубке, но девочка возразила злым и каким-то отчаянным тоном:

– А что он – вместе с людьми?! И человек обратился «родичи»! Нам что, теперь люди – родичи?!

– Ты не знаешь всего, Аэти, – сказала женщина. – У простых вещей бывают сложные причины.

– Бывают, – сказала девочка с такой тихой и ледяной зло-

бой, что я решил: всё верно, мстить они нам будут с пелёнок. – Из-за людей мои бельки никогда, никогда не увидят океана. И я.

Никто из шедми и слова не сказал. Шельма в шубке обняла девочку за плечи – и та в неё уткнулась, как дети всегда тыкаются во взрослых, лицом в грудь, обхватив руками. Получилось слишком похоже на землян, но кого это могло бы обмануть?

– Срок у Аэти впрямь подходит к концу, – сказала шельма, глядя девочку по голове. Теперь я видел девочку со спины и видел, что волосы у неё разделены не на два, а на три хвостика: два спереди, а сзади коса, уходящая под одежду. Сам не пойму, почему я так уж внимательно на это смотрел. – Да, мы не знаем, как её организм перенесёт анабиоз. Побоялись рисковать двумя жизнями. Насколько можно судить, плод в порядке, но у нас нет детского врача...

– Я – педиатр, сестрёнка, – сказал наш шедми. – Данкэ из Коро через Урэ, работал в программе терраформирования на Океане Третьем.

– Это ты написал книгу «Искусственное и естественное вскармливание бельков»? – спросила вторая, в форме, как мне показалось, удивлённо. – Я думала, ты гораздо старше. Хорошая книга, она есть у нас в базе и серьёзно мне помогла.

Девочка отпустила женщину в шубке и искоса посмотрела на Данкэ.

– Брат, ты мог бы помочь ещё серьёзнее, – сказала та, что

в форме. – Посмотреть Аэти... и на борту четыреста восемнадцать беременных. Мы за них тревожимся: не знаем, как анабиоз может отразиться и на матерях, и на бельках.

– Ваш диагностический центр работает? – спросил Данкэ.

Шельма сложила ладони как для молитвы. Дешифратор истолковал этот жест как согласие или подтверждение, а я впервые хорошо рассмотрел руки шельм: у них были перепонки между пальцами, доходящие до верхнего сустава, и когти, довольно плоские, но всё равно не похожие на человеческие ногти. Кажется, у игрушечных шедми кисти выглядели как-то иначе, а на видео я как-то не обращал внимания.

– Аэти, – сказала фифа в шубке, – покажи брату из Коро госпиталь и анабиозные камеры будущих мам. Он очень хороший врач, это по его рецептам мы делали смеси, чтобы кормить бельков.

Девочка неохотно её отпустила.

– Данкэ, – сказала она тихо, – ладно, брат. Забудь, что я сказала. Я не знала. Пойдём со мной.

Все молчали, и люди, и шельмы. И в тишине Данкэ и девочка прошли через ангар и скрылись в коридоре, видимо, ведущем в жилые отсеки. Антэ вздохнул, шумно, как всплывший подышать кит, и негромко сказал:

– Видимо, вы теперь представляете масштаб проблемы, люди.

– Мы представили сразу, брат, – сказал Алесь. – Только беременных... как бы... не приняли во внимание. Но я со-

образил. Их ведь надо выводить из анабиоза как можно скорее. И бельков, да?

– Мы до сих пор не знаем, правильно ли сделали, погрузив бельков в анабиоз, – сказала та, что в форме. – Когда я думаю о том, не погубили ли мы их будущее здоровье, воздух не входит в мои лёгкие. Но нам нечем было их кормить... и некому кормить.

– Как тебя зовут, сестра? – спросил Алесь.

– Хао из Хыро через Эдори, – сказала женщина. – Я была травматологом. Теперь – военный врач.

– Алесь, – тихонько окликнул Юлий, – надо связываться с Землёй. Мы ведь не справимся одни. Нужны ремонтники для станции, еда, медикаменты, одежда, наверное...

– Свяжемся, – кивнул Алесь. – Родичи, сколько вы можете продержаться?

– Оставив детей в анабиозе – шестьдесят-семьдесят наших суток, – сказал Антэ. – Но Тари и Хао считают, что такой срок – большой риск для здоровья бельков.

– А бельков много? – спросил Юлий.

Антэ сложил ладони в знак согласия.

– Около двухсот, если считать только полностью покрытых пухом. Но среди детей много малышей, с которых пух едва начал сходить... и беременные здесь... Мы укладывали самых маленьких в анабиозные капсулы, предназначенные для взрослых, по двое и по трое сразу, чтобы уместить всех, нарушая все инструкции. Очень важно поспешить. Скажи,

человек, мы можем надеяться на вашу помощь? – спросил он Алесь.

– Сделаем всё, что сможем, – сказал Алесь, но по его лицу я понимал, что это будет совсем не просто. Ещё бы! Попробуй-ка убеди нормальных людей бросить всё и бежать нянчиться с шельмовскими младенцами! – Покажи мне детей, Антэ. Мы с Юлием хотим снять криокамеру на видео, чтобы иметь для Земли наглядный материал.

– Пойдёмте, люди, – пригласил Антэ, и Хао тоже пошла с ним.

Я посмотрел на него и подумал, что именно он, быть может, не самая главная на Шеде мразь. Как-то у меня не укладывалось в голове, что человек... ну, ксеноморф, который, спасая детей, убивал собственных командиров, мог мог измываться над маленькой девочкой. Пожалуй, персонал станции сравнительно не так уж и виноват. Ведь кроме этой Аэти тут же четыреста беременных бедолаг, это – просто в порядке вещей у них на Шеде. Обычное дикое, глухое Средневековье! А кое-кто из наших ещё сомневался, что шедми – маньяки всей расой.

Маньяки. Зверюги. За редким исключением, вроде этих, со станции. Ну, зато эти – предатели, своего командира убили. Командир был – обычный. Убийца – и детоубийца в том числе.

Мы просто пошли в их жилые отсеки.

Воздух тут был холодный и спёртый; пахло чем-то меди-

цинским и шельмами. Помещения смотрелись так, будто в них шёл настоящий бой: в одном месте пластиковая переборка разлетелась на части, как разбитое блюдо, и куски так и валялись, их только отодвинули с прохода, в другом – в бронестекле, отгораживающем какую-то узкую кабинку, я увидел целую россыпь круглых вмятин, будто в него стреляли, но не сумели пробить насквозь. Около шлюза, ведущего в анабиозные камеры, на полу было большое пятно засохшей голубой краски, брызги той же краски остались и на стене, будто кто-то разбил тут банку. Антэ обошёл пятно вокруг, и Хао тоже обошла, не хотела наступать – и я обошёл, хотя, по-моему, краска уже не испачкала бы обувь.

Интересно, что они тут собирались красить на поле боя и где разбитая банка? Осколки убрали, а пятна оставили? Бросили наводить лоск на станцию – и принялись убивать друг друга из-за этих детей?

Впечатляет. Интересно, на Шеде это считается нарушением присяги? Наверное, да. Наверное, в другом случае все здешние жалостливые пошли бы под трибунал – иначе с чего двое наложили на себя руки?

Или это была просто трусость? Ведь взорвать станцию – это и самим навернуться, вместе с детьми.

Хотя вообще-то шельмы не трусы. Ну, в массе. Маньяки – это да, но вот трусы – это у них редко. У них забрало падает в бою.

Криокамера оказалась огромной, впятеро больше ангара.

Её, наверное, рассчитывали на целую армию, так что дети – это повезло нам. Могли бы оказаться и взрослые спецы – мало хорошего.

Здесь было гораздо холоднее, чем в жилых отсеках; тела спящих лежали в капсулах, собранных в стеллажи, и между этими стеллажами путался взгляд. Антэ повёл нас вперёд.

Мы прошли вдоль стены, которая, как в камере хранения, была вся в небольших дверцах.

– Что там? – спросил Юлий.

Антэ потянул одну дверцу за ручку – и вытянул носилки. На них лежал труп шедми, жуткий, с полупрозрачным, каким-то стеклянным лицом, оскаленным – и клыки торчали, как осколки матового стекла, из мутно-голубой краски, как-то оказавшейся у него во рту...

И тут меня ударило: краска! Те пятна! Кровь же голубая! Лужи крови!

Запёкшаяся кровь во рту, о чём я только думал...

– Командир, – тихо сказал Антэ. – Кэно из Хыро через Гратэру. Старший брат.

И зажал ладонью нос и рот, а Хао этот жест повторила, чётко, как честь отдают. За ними ровно то же самое сделали и комконовцы, а я подумал, что выглядит по-идиотски: будто они все хотят показать, что от трупа воняет нестерпимо. Тем более что так оно и было: сквозь запах идущего из камеры мороза от мёртвого шедми заметно несло тухлой рыбой.

– Они все здесь? – спросил Алесь.

– Глупо, – сказал Антэ. – Нелепо, я понимаю. Вышедший из океана должен вернуться в океан... а океана больше нет. Глупо. Это – просто долг. Оттого, что мы все не можем дышать, когда видим их. Оттого, что мы перед ними виноваты.

Хао вдруг вскрикнула: «А-ах!» – куда-то вверх, и там отозвалось эхо. Антэ тронул её за локоть.

– Надо думать о живых.

– Я не могу не думать о мёртвых, – сказала Хао. – Кэно обезумел – безнадёжный ужас толкнул его на страшное дело... но не менее страшно убить старшего брата... других братьев... у меня леденеет сердце. Мэйгу ухмыляется за моей спиной, я чувствую позвоночником его голодный взгляд.

– Не думай о Кэно плохо, сестра, – сказал Антэ. – Он не безумец, не был безумцем. Он был хладнокровен и рационален. Океана больше нет – и Кэно впрямь боялся думать о детях... о том, что их ждёт. И я боюсь.

– Родичи, – сказал Алесь, – я вам обещаю: сделаю всё, что в моих силах. И для детей, и для ваших мёртвых товарищей. Клянусь дыханием.

– Не клянись, – сказала Хао. – Ты – только капля, дожждёмся прилива.

– Я постараюсь, – сказал Алесь. – Для меня это тоже важно.

Не знаю, поверили они ему или нет; по-моему, вряд ли. Промолчали. Антэ задвинул носилки в холодильник и тем же движением, каким открывал секцию морга, выдвинул из

стеллажа анабиозную капсулу. Отодвинул щиток, закрывающий стекло.

Внутри мигал голубой огонёк, видимо индикатор работы систем жизнеобеспечения – и в этом синем свечении сладко спали три крохотных и неожиданно милых существа. Мне потребовалась целая минута сообразить: это же бельки! Новорождённые шельмочки! Я знал, что они покрыты пухом, но в передачах ВИДа их бельки были далеко не такие милые.

А наяву, не в записи – зайки такие, как игрушки. Как котятки пушистенькие, прямо потискал бы.

И очень тяжело укладывалось в голове, что из них вырастают шельмы. Безобразные и жестокие гады. Это было как-то неприятно осознавать.

– Как будто всё в порядке? – спросил Юлий. – Всё работает?

– На три организма эта капсула не рассчитана, – сказала Хао. – Пока работает. Долго ли проработает? Мы, я и Тари, постоянно следим за криокамерой и просим милости у Хэталъ... а она нас не слышит.

– Понятно, – сказал Алесь. Он делался всё мрачнее и мрачнее. – Родичи, покажите, пожалуйста, и других детей. Саня записывает всё, что мы видим – я хочу, чтобы посмотрела и Земля... я хотел сказать, мои родичи. Земляне.

– Пусть смотрит, – сказал Антэ. – Нам всем, и нам, старшим, и этим детям, уже нечего терять больше. Будь проклята война. Мы задохнёмся без океана, как выброшенные на

скалу рыбы...

– Постарайтесь не отчаиваться, – сказал Алесь. У него было такое лицо, будто зуб внезапно разболелся или ещё где-то прихватило, аж скручивает, и я вдруг понял: ему жалко шельм. Просто до невероятия жалко, как людей. Да и людей – если чужих – обычно не жалеют до такой степени. Будто он сейчас тут ляжет и помрёт от жалости и ещё от чего-то нехорошего. Неужели от стыда?

– Я понимаю, как это звучит, – продолжал он между тем. – Как будто я советую тому, кто подо льдом, когда полынья затягивается прямо над головой... но постарайтесь. Ведь дети живы.

Антэ свёл ладони перед грудью:

– Дети живы – Шед жив, ты прав. Но надолго ли?

– Не отчаивайся, – сказал Алесь просто каким-то братским тоном. – Пока живы – есть на что надеяться. А можно, мы на них посмотрим?

Шедми принялись выдвигать криокапсулы. В них лежали детеныши разного возраста и вида.

Они были одеты кто во что, а их бельки – нагишом, потому что в пуху. Я подумал, что их укладывали в криокапсулы в спешке – не было времени тщательно всё готовить.

У детёнышей мужского, видимо, пола ещё не было настоящих клыков – молочные зубы только слегка оттопыривали нижнюю губу – и напрочь не было волос на головах. А у тех, что женского, волосы были – и косметика на лицах у мно-

гих так и осталась. Некоторые мелкие, даже совсем мелкие шельмочки были размалёваны вдребезги, как клоуны, всеми цветами радуги; у нескольких, я б сказал, пацанят мордашки тоже отчаянно раскрасили. Выглядело это странно и противно. С шельм постарше белый пух сходил постепенно – они уже не выглядели такими милыми, как бельки, а казались побитыми молю; в передачи ВИДа обычно попадали именно такие. С возрастом пух с них слезал совсем, и иллюзия развеивалась: они были уже не пушистые котяточки, а обычные шельмы, только маленькие. Никакого умиления.

Год на Шеде чуть дольше земного. Может, поэтому возраст шедми мне было трудно определять. Про кого Антэ сказал «пятилетки» – те выглядели лет на девять-десять, по-моему, а десятилетние казались уже подростками. И среди них, значит, было четыреста беременных. А что, в порядке вещей. Логика Шеда: убивать-то, может, и нельзя, но насиловать – запросто. Одна девчонка спала, прижимая к животу игрушечного то ли зверька, то ли белька в пушистой шерсти; другая держала большую витую ракушку, перламутровую и блестящую, и у многих девочек в капсулах лежали цветные ракушки... В общем, они ещё играли в игрушки. Что взрослым, похоже, совершенно не мешало.

Счастливое детство, как подумаешь...

Я никак не мог избавиться от чувства гадливости. Так об этом задумался, что почти не слушал, что говорят комконовцы – и в какой-то момент словно проснулся на середине раз-

говора:

– Так они все – с Северо-Запада? – спрашивал Юлий в этот момент. – Парнишка, кажется, носит знаки Срединного Архипелага, это далеко...

– Их забирали из Эра-Хы, как я поняла, – ответила Хао. – И насколько нам известно, это все, кого удалось вывезти. Тяжело представить себе, что там творилось... Транспортник успел взлететь, да. Один, насколько мы знаем. Потом связь прервалась.

– А куда девался транспортник? – спросил Алесь.

– Кэно приказал его экипажу возвращаться, посмотреть, нельзя ли снять выживших со станций на спутнике. Транспортник ушёл в «прыжок», а спутник перестал отвечать, – сказал Антэ. – Связаться с транспортником мы больше не смогли. Не знаем, погиб он в той катастрофе или его атаквали люди... и это уже неважно. Он не ответил – и старший брат решил, что надежды нет. Впереди только смерть.

– Он ошибался, – сказал Юлий. – Надежда есть. Океан-2 и Океан-3 заняли наши, но, может, уцелели ваши колонисты на Океане-1 и в системе М-97899. Там ведь были не просто исследовательские базы?

– Скорее всего, на Океане-1 живых нет, – сказал Антэ. – Жилые купола накрыли ракеты, и ещё девяносто наших суток назад колония перестала выходить на связь; кто-то мог уцелеть там только чудом. А М-97899 замолчала уже давно. Но это далеко... быть может, проблемы связи... Мы

звали космос по всем каналам, но космос молчит. Либо живых нет, либо они так далеко, что туда не доходят волны... Возможно, конечно, что повреждена антенна... но это, по моему, напрасные попытки надеяться.

Юлий вздохнул, как всхлипнул. Алесь хрипло сказал:

– Мы попробуем поговорить с военными, а на Океан-1 пошлём людей.

Никто из шедми не ответил. Они закрывали капсулы с детьми и проверяли системы жизнеобеспечения.

– Ладно, – сказал Алесь, потирая подбородок. – Мы всё поняли. Ты всё зафиксировал, Саша? Мы покажем эту запись на Земле, родичи. И добьёмся помощи в ближайшее время. Держитесь, пожалуйста. Держитесь. Данкэ останется с вами, он и прилетел, чтобы остаться... Еду для детей мы постараемся доставить... Я понимаю, что их надо забирать со станции, но...

Шедми стояли и смотрели на него. Молча и не шевелясь, не мигая, по своей привычке. После целой минуты тишины, которая показалась мне прямо-таки зловещей, Антэ сказал:

– Пойдёмте к модулю. Вам надо торопиться.

Комконовцы переглянулись.

– Удачи, удачи всем нам, – прошептал Алесь, и мы пошли в ангар.

Весь полёт назад они молчали и друг на друга не смотрели. Ни единого слова не сказали. А я понимал, что они не хотят говорить при мне.

В смысле – под запись не хотят говорить.

Мне вдруг пришла в голову совершенно дикая вещь. Эти типы, комконовец и этнограф – как будто не на нашей стороне в этой войне. Им жалко шельм... как настоящих родичей. Как своих родичей. Несмотря ни на что.

В общем... да что там. Предатели они, в общем.

Точно такие же предатели, как шельмы со станции. Только наши.

Вот это номер.

Может, предатели и не до такой степени, как натуральные вражеские шпионы, которые могут расшифровать врагам секретный код или дать координаты военной базы, но наша победа их не радует. Вообще не радует, ни капли. И всё, что они видели на этой станции у шельм, совершенно не помешало им сочувствовать, даже, кажется, стыдиться, что сами они – земляне, люди.

Я ещё не думал в тех выражениях, в каких про них говорил капитан, про голубей мира, которые воркуют и гадят, но я уже начал понимать, почему он так сказал. Я ещё никогда не видел людей, которые стыдились бы, что они люди. Да ещё

после такой войны.

Не могу сказать, что мне было совсем не жалко бельков. Бельки казались такими беспомощными, что... ну, хотелось что-нибудь сделать для этих крошек. Но к детям постарше у меня теперь было другое отношение – да и вообще шедми не стали мне симпатичнее ни на микрон.

Какие бы у них там ни были бельки-лапочки, это ровно ничего не меняет. Я их ненавижу. Они убивали людей тысячами и уничтожали наши поселения. А своих лапочек насилуют, как только с них облезет их пушистенькая шубка, а может, и раньше – и это их тоже совсем не красит.

Я подумал, что, если бы мне пришлось самому решать, я бы забрал у них бельков и воспитал бы по-человечески. А остальные – как хотят. Я прекрасно помнил, как на меня смотрела их беременная девчонка.

Для их деток это всё – в порядке вещей. И жестокость в порядке вещей, и разврат, и ритуальные самоубийства, и вся эта мерзость.

Они были те самые осы, о которых говорил капитан. Личинки. И сочувствия к ним мне было никак в себе не найти, даже при том, что им было плохо.

В конце концов, нацистам тоже было плохо, когда наши предки их победили.

Алесь замечательно провёл и поставил модуль. И мы опять прошли сквозь наш экипаж как сквозь строй. Я заметил, что теперь на миротворцев смотрели ещё более осужда-

юще, и понял, что, наверное, капитан включил трансляцию. Все наши видели и злую беременную девочку, и – как комсомолец мялся и мямлил, будто ему стыдно за людей. Видели – и сделали выводы.

И наш капитан, встретив их в холле напротив кают-компании, не доходя до мостика, с ходу сказал:

– Уже улетаєте?

Как гостям говорят: «Уже уходите?» – чтобы сообразили, что надоели до смерти.

– Улетаем немедленно, – сказал Алесь, взял у меня «око» и снял дубликат себе. – Вас прошу ничего не предпринимать и не покидать этого района. Необходимо выбросить несколько маяков с сигналом «Закрытая зона»; мы пометим их кодом КомКона. Эта станция должна быть в полной безопасности. В полной, вы меня понимаете?

– Что им сделается! – бросил капитан с брезгливым презрением.

У Алеся потемнели глаза, а в глазах у Юлия появилось что-то такое, что мне даже показалось – он сейчас ударит капитана по лицу. Это было чудовищно, но они оба, к их чести, сумели всё-таки взять себя в руки.

– Я надеюсь на вас, – сказал Алесь. – Искренне надеюсь. Я уже сообщил на Землю, по всем каналам связи, что мы нашли эвакуированных с Шеда детей, общественность должна знать о том, какой драгоценный вклад вы внесли в историю. Я сам поставлю маяки на границе зоны, только у меня их

маловато. Дайте мне ещё несколько штук, пожалуйста. Для надёжности.

– Соблаговолите взять их у боцмана, – сказал капитан с какой-то издевательской вежливостью, и я подивился слову «соблаговолите». – Честь имею.

С этими словами он развернулся и пошёл на мостик.

– Ну да, – растерянно сказал Алесь и взглянул на своего товарища. – Ну что ж, пойдём, отыщем боцмана, Юл?

– Я покажу, – предложил я.

Мне совершенно не хотелось, чтобы они шлялись по судну без присмотра, но они не так поняли.

– Спасибо, – сказал Юлий более тепло, чем полагалось.

А я подумал, что их дружелюбия нам тут совсем не надо. И что КомКон – всё-таки не совсем то, что описывается в СМИ.

Просто пусть забирают маяки и убираются.

И пусть нам скорее разрешат уйти отсюда. Потому что нашему ракетноосцу здесь не место.

Я довольно быстро узнал, что примерно так думали почти все члены нашего экипажа. Но уйти нам не позволили.

Едва отбыли комконовцы, как вдруг снова ожил передатчик. «База – “Святому Петру”. Особо важно! Секретно! Ни в коем случае не оставлять станцию шедми без присмотра! Запретить допуск к связи любым гражданским, включая КомКон! Больше ничего не предпринимать! Огонь не открывать! Ждать прибытия крейсера “Осторожный” и новых указ-

заний».

Капитан и старпом понимающе переглянулись.

– Так я и думал, – сказал капитан с отвращением. – Про-
нюхали голубки... в обход нашего руководства. Везде ле-
зут без мыла. Накидали маяков, развели гуманизм – дышать
нечем. Ничего, дома ещё разберутся, кто тут безобидная де-
точка, а кто готов собственных соотечественников продать
за ломаный грош.

– Но шельм не трогаем? – уточнил старпом.

– Их и без нас тронут, – сказал капитан.

Тут-то я и понял окончательно, что война пока ещё не
кончилась, даже если штатские уже празднуют победу и ве-
селятся. И ещё неизвестно, когда и чем кончится.

Алесь

Интересно, как перевести на северо-восточный диалект
идиому «пятая колонна»? Наверное, «кыра-ца», «черви-хва-
талки»... где есть – да хоть бы и были! – войны и военные,
там есть и это самое... шпионы и предатели.

Короче – мы. КомКон, вернее, конкретно группа Шеда.

С начала войны на нас столько раз показали пальцем, что
я уже даже и не вздрагиваю, когда в спину шипят: «Преда-
тель!» Наверное, привык уже. И для меня это слово очень
немного значит. Я знаю, чего в нашем лучшем из миров сто-
ит доверие к руководству.

Нас самих предавали столько раз, что все уже привыкли.

Скажем, привыкли к тому, что нельзя просто передавать наверх видеоматериал. И просто в видеотеку его тоже нельзя. Потому что действует принцип: всё, что будет сказано вашими подопечными, руководство, участвующее в информационной войне наравне с настоящей армией, использует против них.

Заодно и против вас, птички божии, голуби мира.

А босс на Земле посмеивается и рассказывает бородатый анекдот про особиста, который, выйдя на пенсию, начал выписывать домашним допуски в кухню и пропуска в сортир. «Что, Алик, опять всё запаролено насмерть? Мне-то можно глянуть?»

Нет. Лично вам – особенно нельзя. Вообще, всем вам, на Земле, ничего нельзя. Можно только нашим. А наши – это Эльба. Надо ж было так назвать эту базу, а! Эльба! Встреча союзников на Эльбе!

Лагерь для военнопленных. Концлагерь на Эльбе. Держите меня семеро.

Пусть – для Земли у нас тут концлагерь, пусть. Пусть Земля думает, что хочет: от нас получит только самые скудные сведения. Вот: столько съели, столько выпили, столько сожгли. Столько нам нужно – жратвы, шмоток, медикаментов. Не шельмам, не шельмам – нам, людям. Это мы тут перешли на рыбу, мидии и мясо криля, это нам – рыбий жир и препараты йода и меди, это нам – кондиционеры, ну жарко нам

тут! И бассейн – нам. Ну и что, что рядом море – вы это море видели?

Как живут пленные, говорите?

Паршиво! Себя представьте на их месте! Всё. Больше никакой информации. Спасибо вам, родное руководство, продажные шкуры, подстилки армии, истинные патриоты. Во сне мне никогда не снилось, что буду использовать слово «патриот» как ругательство – научило родное начальство, запомню на всю жизнь.

Никогда родным начальничкам не забуду ту запись, которую потом вставили в ролик-агитку. Кусок сеанса реабилитационной терапии, из которого журнашлюхи потом вырезали то, что им понадобилось для информационной войны. Где Хирмэ говорит, глядя в камеру, по-русски: «Хочешь знать, что я о вас думаю? Я вас ненавижу. Вы – вывих эволюции, злобная инфекция. Кровавая лихорадка в космосе. Я бы... это... изо всех сил хотел, чтобы вас не было. Совсем не было. Мне жаль, что я не могу... не знаю слова... что я не могу убивать сейчас. Но есть другие, есть те, кто может».

Произвело неизгладимое впечатление на всю Федерацию. Он же такой живописный, Хирмэ, Хирмэ-Манта – под канонического злодея из дрянных киношек и гримировать не надо. Как потом все обсуждали ролик в Сети: мол, он настолько презирает людей, что ни один мускул не дрогнул на морде. Цедит сквозь зубы. Бивни выкрашены алым лаком, как это делают северяне, призывая на помощь дух Хэндара.

Акцент. Тёмные шипастые панцири священных рачков-хды, вросшие в кожу чуть выше надбровных дуг – словно варварский пирсинг. Этот жуткий взгляд, неподвижный, немигающий, на каменном лице. Бесчувственная тварь, ненависть ко всему доброму во плоти.

Они приказали – и мы им предоставили всю запись целиком. Но они вырезали исключительно то, что сработало для широких масс. Широкие массы ведутся на любую провокацию, для нагнетания ненависти им надо удивительно мало. Ну кто из простых, так сказать, людей увидит в этом ролике юного поэта и переводчика, который побывал в аду и душой ещё до сих пор там? Мимика у шедми скудная, их надо долго смешить и тормозить, чтобы лица начали двигаться. А уж в чудовищной депрессии, когда парень заставляет себя что-то проговаривать – мы его заставляем, потому что надо ему выговориться... Люди, да что вы не видите: его изнутри пожирает чёрное безоглядное отчаяние, то, что шедми называют «лицо как тающий лёд»?!

Люди не видят.

Люди ищут поводы для ненависти. Легко находят. Им нельзя было показывать эту запись. Это ломает любую этику – комконовскую, медицинскую, человеческую. Но мой босс на Земле сказал: «Алик, военные попросили, и я дал. Это необходимо для нашей будущей победы, на войне все средства хороши, понимаешь?»

Я всё понимаю. Я больше не патриот. Я – чёртов надзи-

ратель из концлагеря на Эльбе. И любой зэка из шедми мне ближе, чем вы, подонки.

И я помню, как просил босса найти ту девчонку.

«Не знаю, Алик – запись сделана военными, на Океане-2, кажется... или на Океане-3, в общем, там где-то, в местах военных действий. Откуда мне знать? И их руководство не в курсе...»

А ролик гоняли и в Штатах, и у нас. И действовал он одинаково – на широкие массы большей части земного шара. Не удивлюсь, если и на Ближний Восток транслировали – и там он тоже сработал, потому что это был предел человеческой низости, её крайняя степень, а такие вещи бьют по инстинктам, вытаскивая всякую мерзость из подсознания этих самых простых людей.

Злая беременная девчонка.

Светлые хвостики. Личико – в традиционной раскраске «креветка-ласка», охраняющей малыша внутри. Прямой взгляд.

Допрос. Боже мой.

«Кто твоя мать? Ты её знаешь?»

«Почему я должна тебе сказать?»

«Это ведь никому не повредит. Тебе ничего не грозит».

«Я не знаю... не помню. Я – обменный белёк».

«Выросла среди чужих?»

«Чужих?»

«Без родителей».

«Да».

«Хорошо. А кто отец твоего будущего белька?»

Тень улыбки.

«Откуда мне знать. Кто угодно из них... у меня было много друзей... мы все вместе играли... у меня нет генетических противопоказаний, мне можно со всеми...»

Абсолютно законченной тварью надо быть, чтобы допрашивать перед камерой ребёнка-ксеноса, а потом использовать запись допроса как информационное оружие. Но, дьявол с вами, теперь-то отдайте её мне, я её заберу в «концлагерь», где будут её родичи, её взрослые, где она нормально родит – и у малыша появится шанс вырасти!

«Не знаю, Алик...»

Это был последний случай, когда я унижался и вымаливал помощь. Больше на вас надежды нет. Теперь мы всё делаем сами.

Делаем и врём вам в глаза.

Мы – предатели.

Надо сказать, и наши зэка – предатели. В том числе и Хирмэ, мрак и ужас, общее пугало.

Взрослые шедми в плен не сдаются. Не умеют, не понимают. Самоубийство чести для них – ритуал, освящённый веками, что там – тысячелетиями, основанный на глубинном инстинкте. Нет, скрутить-то их воина можно – но жить в неволе он, скорее всего, не будет. Ему нестерпимо. Даже если у него нет оружия, даже если он зафиксирован так, что не может

шевелиться – шедми просто перестанет дышать. У них ведь схлопываются ноздри, закрывается гортань... вообще-то всё это предназначено для ныряния, но и жизнь остановит, если шедми решит. Военные пытались держать их на искусственной вентиляции лёгких – они находили другие способы. Шедми, твёрдо решивший умереть – умрёт. Но наши живут. Чокнутые. Отчаянные. Просветлённые.

Учёные – из любопытства. Сочинители всех мастей – ради будущих текстов, художники – ради своих творений. Врачи – ради своих родичей, которым нужна помощь. Контактёры – выполняя свой долг даже так, против инстинкта и традиций, в постоянной душевной боли.

Братья наши. И мы тут, на Эльбе, вместе с шедми, уже давно ждали санкций.

Наверное, мы бы их дождались – не сомневаюсь, что их готовили. Как раз перед этой... победой... к нам пришёл запрос, сколько у нас сейчас шедми: нет, вы назовите точное количество – и конкретно, сколько мужчин, сколько женщин, сколько их военных. А то окопались тут! Врагов пригнали! Разъяснить бы вас!

Мы не отвечали, тянули время, пытались придумать, как бы отмазаться, чтобы никому было не подкопаться. Страхovali своих товарищей-ксеносов, которым и так-то...

А потом в санкциях отпала необходимость. СМИ радостно сообщили, что война окончена, потому что Шеда больше нет.

Сперва мы даже не поняли. Как – нет?! Вы что там, обьелись? А потом, когда шок прошёл, сообразили.

Случилось именно то, чего шедми больше всего и опасались. Поэтому и дрались за Океан-2 и Океан-3 с такой яростной ожесточённостью. Для наших это было делом принципа, для них эти планеты были эвакуационными пунктами. Только теперь эвакуироваться некому.

СМИ по всему нашему миру хором сообщили, что Шед создал некое супероружие, которое сдетонировало. Получилось очень успокоительно для нервов наших сограждан: собаке – собачья смерть. За что боролись – на то и напоролись. Земля праздновала победу, как от веку нам положено: с парадами, салютами и голографическими трансляциями прохода наших крейсеров и ракетноносцев во все небеса. Мы, хумансы, такие везучие! За нас Христос, Будда, Аллах – и кто там ещё. В Мировой Сети, правда, обсуждали очевидную мысль, что военные точно были в курсе и куда бить, и чем, но это мало кому портило настроение. Ясно же: у наших доблестных военных тоже есть источники информации – и они намеренно прикончили Шед, у которого было уязвимое место.

Сердце Огня, так шедми его звали. И наши нашли сердце спрута, так сказать. И восстановили безопасность для наших потомков. И разделили имущество врагов – по закону, так сказать, военного времени.

Не сомневаюсь, что спецы нанесли удар, как только закон-

чили расчёты. В их планы впрямь входило уничтожить Шед как угрозу Земле. Наверное, когда в штабе узнали, что есть такой вулкан и есть такие подвижки тектонических плит, там откупорили шампанское за будущую полную победу.

Конечно, не раскололи планету на части, как орали из каждой информационной дырки. Но выжгли биосферу, испарили знаменитый Океан – оставили пустой и мёртвый каменный шар на орбите местного солнца. Не уверен, что это менее страшно.

Грех сказать, что на Земле была совсем уж чистая радость по этому поводу. Наверное, всё-таки хоть кого-то хоть какой-то червячок хоть легонько грыз... Нет-нет да и проскочит нотка... не сожаления, нет, но некоторой такой печали. Всё-таки радикально так... основательно. Там была культура какая-никакая... Но эта печаль мастерски развеивалась бодрыми сообщениями, что у них есть поселения в колониях – вот и пусть они там прозябают, пусть вернутся в каменный век, если посмели связаться с Землёй, сволочи...

А уровень ненависти среди широких масс к этому моменту уже дошёл до такого градуса, что даже цифры вероятных потерь противника не особенно ужасали эти самые массы. Не наши же потери...

В общем и целом считалось, что о Шеде мало кто пожалеет – и в этом плане были солидарны даже вечные идеологические противники. Мы, везучие хумансы, шустро объединяемся перед лицом общего врага. Мы веками учились дру-

жить против кого-то. Свои отношения потом довыясняем.

Траур был только у нас на Эльбе – по девяти миллиардам. По девяти миллиардам! Это на Эльбе люди рыдали, и пальцы себе грызли, и волосы драли от тоски и бессильного гнева. Не только шедми, да! И люди! Но какое кому дело. Земля празднует победу. Ещё устроит какие-нибудь ежегодные торжества по этому поводу, не дай бог...

А у нас тут...

У нас на следующий день мой Рютэ покончил с собой. Мой лучший аналитик, Рютэ, Который Всё Понимает.

Он не пришёл в нашу рубку связи. Я звякнул раз, звякнул два и решил за ним забежать. И нашёл его в его кабинете. В кресле. С горлом, перерезанным до позвоночника – рука не дрожала, нож выпал уже из разжавшихся пальцев мертвеца. Он сидел перед стереокартиной с закатом на Северо-Восточном Архипелаге, где-то в районе Крабьего мыса: дивные небеса – в выцветающих голубых кляксах.

«Океан течёт в наших жилах»...

Рютэ оставил предсмертную записку. Чётко нарисованными чёрным маркером на зеркале древними рунными знаками Северо-Востока. Четыре слова: «Простите. Смысла больше нет».

Я взвыл, как пёс, потому что с ходу сообразил: Рютэ – первый. У него просто были самые здоровые нервы, и он, раньше других справившись с чудовищным потрясением, всё уже понял. Другие – ещё в шоке, ещё не осознали, ещё на что-

то надеются.

Я даже не закрыл его глаза. Сейчас мучает эта мысль – надо было потратить несколько секунд, это у нас общее, надо было закрыть ему глаза, но я так торопился и был в таком ледяном ужасе, что не посмел погоревать даже эти несколько секунд. Я потратил эти секунды на то, чтобы врубить общий сигнал тревоги. Потом выскочил за дверь и понёсся к жилому сектору шедми.

Бежал и думал: только бы успеть, только бы успеть. Сразу понял, за кем бежать в первую очередь.

В казарме её не оказалось. В кают-компании – тоже. Я сообразил: она искала место, где можно уединиться и закрыть за собой дверь. Понял, где.

Дернул дверь в кабинет психотерапевта – заперто. Постучал. Тихо. Врезал, как учили, чтобы сразу выбить, и влетел с размаху.

Она лежала на тахте в обнимку с плюшевым бельком. На полу рядом стояла бутылка виски, наполовину пустая, и валялся бокал. Из холода меня бросило в жар – я увидел, что её грудь слабо приподнимается, и кинулся к ней.

Затормошил:

– Кые, девочка, только не спи! Проснись, ради бога, проснись! Ну что ж ты, дурочка, ты же знаешь, вы это пойло не усваиваете, я б тебе грибного чаю заварил, если уж хотела чуток развлечься...

Она с трудом открыла свои прекрасные русалочьи очи и

улыбнулась бледной тенью улыбки:

– Алэсь... мы идём в Океан...

Я не помню, как тащил её в медотсек. Как по дороге тормошил, целовал, тряс, а она цеплялась за игрушечного де-тёныша и что-то бормотала... У них нет рвотного рефлекса: если пища или питьё миновали зоб, то всё уже, из желудка им деваться некуда. Она всё рассчитала верно. Она была не такая сильная физически, как Рютэ, но не трусливее его, несчастная девочка.

Наша самая юная девочка. Но и она – уже год, как за Мемой. Что тут ещё скажешь?

К чести коллег, они быстро поняли. Нам надо было реабилитировать наших друзей-шедми. Честное слово, в тот момент я сам не очень понимал зачем: мне самому хотелось резануть по горлу, как Рютэ, или, как Кые, хлебнуть чего-нибудь, освежающего раз и навсегда. Я подышал от скорби и стыда – и понимал, что мы ничем, ничем не можем им помочь. Что смысла и вправду нет. Что их апатия – это безнадежные попытки как-то удержаться в бесплодном бытии, просто ради дружбы с нами. Как сказал наш милейший доктор Данкэ, «попытка нас достойно похоронить в такой луже, как Море на Эльбе – слишком неприятные хлопоты для вас, Алесь».

Подозреваю, что так рассуждали они все. Погрузились в чёрное отчаяние – в ту самую глубину глубин. Классическая идиома Северо-Западного Архипелага, для поэмы, да...

А мы были готовы плясать впрысядку, лишь бы кто-нибудь из них улыбнулся. Только это слабо помогало. Им не хотелось работать. Им не хотелось развлекаться. Им не хотелось жить.

Они еле теплились. Было понятно, что, даже если мы будем кормить их одними антидепрессантами, долго ребята не протянут. Отсутствие смысла – и для человека-то не сахар, а уж для шедми, одним смыслом и существующих...

Мы им ввали. Мы клялись и божились, что КомКон ищет в космосе уцелевших колонистов. И вполне может оказаться, что где-нибудь уцелело какое-нибудь большое поселение. Не надо так падать духом раньше времени. Только благодаря этому вранью они ещё кое-как цеплялись за жизнь. Мы забросили всю работу, пытаюсь их развлекать – наших последних... И вдруг, как гром, грянуло сообщение с Земли!

Пять! Пять тысяч детей! Эвакуированные!

Первое, что мы сделали, – сообщили ребятам. Апатию с них как рукой сняло. Они все были готовы работать сутками, как угодно, где угодно, они были готовы чистить нам обувь или нашинковать себя на ломтики заживо – только спасите детей, земляне.

И я понял, что у меня теперь тоже есть особый смысл. Эти дети. Ради моего друга Рютэ, чьё тело мы предали здешнему мелкому и полумёртвому морю. Ради нашей маленькой Кые, которая пыталась выкарабкаться после тяжёлого отравления. Ради Данкэ и Хирмэ, ради Амунэгэ, который рисовал

и рисовал бельков.

Ради самих детей тоже.

И ради землян. Чтобы хоть немного справиться с убийственным стыдом.

Мы с Данкэ и только что вернувшись на Эльбу с Земли умницей Юлом отправились к этой станции тут же, как услышали о ней. Просто в ту же минуту начали собираться. И наш Великий и Ужасный, начальник концлагеря, наш истинный босс, не очень-то признанный на Земле, в тот же час разослал по всем каналам КомКона нашим боевым товарищам: «К сведению всех баз КомКона, работающих с шедми. Срочно сообщить шедми, что мы обнаружили космическую станцию с несколькими тысячами эвакуированных с Шеда детей. Возможно, это не единственные уцелевшие дети. Мы принимаем меры для обеспечения их безопасности и поиска других эвакуированных».

Мы надеялись, что это остановит самоубийства среди наших друзей. В конце концов, это были если и не лучшие граждане Шеда, то где-то весьма близко к тому.

* * *

Я всё понимаю: мы слишком обрадовались. Дураки, конечно.

По дороге мы упивались новостью, мы её смаковали: пять тысяч детей! Будущее Шеда! Спасение цивилизации! Из ис-

кры возгорится пламя, слава тебе, Господи, благослови нас Хэталь!

У меня самого было такое состояние духа, что я сам лично сырую рыбу для бельков жевал бы, если бы мои пищеварительные ферменты подходили шедийским малышам. А Юл просто сиял, как арктические льды под ярким солнцем, и соловьём заливался, какие они, этнографы, предусмотрительные: у них несколько профессиональных учителей есть, у них программа обучения аж на четырёх языках Шеда есть, у них шикарный видеокурс «История и культура Северо-Западного Архипелага», для малышей, с красочной анимацией, с четвёртого века, с года цунами, с эпохи Гынтэ Одноглазого...

Ну, мы – дураки, это понятно. Но даже умный доктор Данкэ поддался общему настроению. Присоединился к нашему дуэту третьим голосом: мол, земная скумбрия по биохимическому составу несколько напоминает серебрянку, а мясо крабов – вообще отличная вещь для развития пищеварительной системы бельков, главное – правильно приготовить. Пока будем восстанавливать естественную фауну – если у нас получится её восстановить, но почему бы и нет? – можно маленьких кормить земной рыбой и морепродуктами, у него есть роскошные биодобавки, он всё проверил и перепроверил. А для тех, кто постарше, конечно, будет нужен хороший спортивный комплекс, потому что шедми с рождения необходимо плавать для нормального развития мускулатуры... А

мы с Юлом кивали, восхищённо внимая, два идиота...

Эйфория. Быстро проходит.

Военные уже на станции дали нам понять, где мы находимся. Объяснили популярно, что эти дети – тоже военнопленные, и вообще не факт, что их нам отдадут. И как мы вообще узнали об этой станции – не должны были. И лёгкой жизни никто никому не обещал. И станцию с эвакуированными держат на прицеле, несмотря на всё, сказанное персоналом.

А и вправду, вдруг подлые шедми врут?

Предполагается, что шедми в принципе может соврать вот таким образом. Хотя мы четыре года пытались донести до вояк информацию на тему «шедми и дети». Бесполезно. Горюх об стену. Они верят не нам, а пропаганде.

Везучие хумансы великолепно узнали за это время, как выглядит стратегическая инициатива шедми. Узнали, чего стоит их военная техника. Как поставлена разведка. Какова тактика космического боя. Они даже выяснили, что Шед опасно нестабилен сейсмически. Но углубляться в психологию коварного врага, чтобы выяснить, как он относится к детям... зачем? Победить это точно не поможет. Быть может, даже помешает.

Чем меньше мы понимаем врага, тем сильнее его ненавидим – и тем непреклоннее воля к победе.

Всё логично.

А нам мгновенно стало ясно почти всё, как только мы про-

слушали запись голоса Антэ из Хыро, военлингвиста, у которого на лице было написано то самое чёрное отчаяние, что и у ребят на Эльбе. Мы очень быстро сообразили, что – беда. Тут тоже – беда. И начали думать о вещах, которые в момент эйфории никому не пришли в голову.

Нам навязали мальчишку-связиста, но в конечном счёте получилось неплохо: наш визит записали военные, и никто уже не мог обвинить нас в сокрытии или подтасовке фактов. Слишком маленькая удача.

Антэ объяснил суть произошедшего кратко и чётко. Уцелевшие женщины предполагали, что командир Кэно из Хыро через Гратэру обезумел от горя, но Антэ воспринял его действия точно так же, как и я.

Кэно был таким же, как мой друг Рютэ. Очень сильным, с очень тренированной психикой. Нервы – как канаты. Военный. Он, очевидно, основательно пообщался с везучими хумансами, и у него наверняка был личный счёт... а может, имел ещё кое-какую информацию, строго для служебного пользования. В общем, он, конечно, решил спасти детей на свой лад. Просто не мог понять, за какие же не совершённые грехи эти бельки и едва полинявшие мальчишки и девчонки должны были либо долго и постепенно угасать в анабиозных капсулах, либо... Что-то он о нас знал. Знал, конечно.

Я тоже кое-что о нас знал.

А у них ещё была девчонка на последних днях. И Кэно, очевидно, смотрел и на неё. Родит – и в анабиоз, вместе

с бельком? Пока раздолбанная, умирающая станция может держать жизнеобеспечение капсул?

Я смотрел на Антэ – и видел чудовищный груз его вины. «Давит глубина», сказал бы шедми. Антэ понимал Кэно... просто не мог перестать надеяться. Он ведь тоже смотрел на эту девчонку.

И я на неё посмотрел. И увидел в ней ту, другую, из подлого ролика – о которой так и не узнал, где она и что с ней и с её бельком.

Я всё понял. Я понял, что нам придётся, как и Антэ, драться со своими – разве что не применяя оружия. Но – как же мы все, прекраснодушные дураки, могли упустить из виду, что эта несчастная станция типа «Форпост» окажется для Земли очень большой проблемой! Насколько без неё было бы лучше! Нет Шеда – и слава богу, помер Ефим – и хрен с ним, с глаз долой – из сердца вон. А тут – принесло откуда-то пять тысяч молодых ксеноморфов из породы оголтелых агрессоров. И с ними надо что-то делать. Кормить-одевать... да были бы они наши дети, а то ведь дети-то не наши, вырастут – превратятся в чудовищ. Хороший ксенос – мёртвый ксенос. Вот всё это мы и услышим, чтоб я сгорел!

И везти-то их нам некуда! Ну некуда! На Эльбу? Негде их разместить на Эльбе. Там и взрослые-то живут как кильки в банке. Жратва, искусственная на девяносто процентов, жара, с которой еле справляются кондиционеры станции, Море Эльбы – населённая только микроорганизмами и какими-то

примитивными водорослями, похожими на прокисшее желе, тёплая лужа...

И картинка в нашем холле – стерео во всю стену: глубокий и до задыха синий Океан Шеда, весенние бездонные небеса, скала, ещё покрытая льдом, парящие над ней рыболовы, напоминающие, пожалуй, альбатросов...

Мы оставили им Данкэ. Пообещали звёзд, лун и благословения богов. Если бы они попросили гарантий – я был вполне морально готов сделать харакири прямо там, это было бы вполне в обычаях Шеда... но они не попросили. Я видел их глаза: надежда в них еле теплилась, как жизнь их детей. И я решил, что всё необходимое зубами выгрызу.

А пацан-связист смотрел на всех нас с отвращением, которое даже не пытался скрыть. Вот так. Ровесник Юла – вряд ли он успел повоевать, вряд ли видел что-то по-настоящему ужасное. Время было не то, чтобы «враги сожгли родную хату». В худшем случае – потерял кого-то на этой войне, но ведь его положение не было и на четверть таким ужасным, как у любого из шедми на станции. Но он их ненавидел рьяно, отчаянно ненавидел – этих бедолаг, выживших случайно и спасавших детей, – сильнее, чем они ненавидели его. Пропаганда работала идеально.

Впрочем, всё это неважно.

Прямо оттуда мы с Юлом отправились не на Эльбу, а на Землю. И у меня шерсть вставала дыбом при мысли, чего именно мы сейчас снова нахлебаемся полной ложкой. И что

комконовским начальством наши мытарства не закончатся, а только начнутся.

Я сразу связался с нашим отделением на Земле – и они обещали вот сей же момент переговорить с президентом. Звучало прекрасно, но я подозревал, что «сей момент» может изрядно затянуться, а каждая минута промедления просто резала меня без ножа.

А хуже всего, что военные были вовсе не настроены считать, что это – наши дети. Они считали эту станцию трофеем. *Вместе с детьми.* И у меня от ужаса желудок скручивало.

Юл, однако, был настроен оптимистичнее меня.

– Знаешь, Алесь, – сказал он, – мы не должны терять время, которое займёт дорога домой. Пусть наши разговаривают с правительством, а мы попробуем сами воздействовать на общественное мнение. У меня есть идея.

– Замечательно, – сказал я. – Выкладывай. Очень рассчитываю, что она дельная, потому что у меня сейчас плоховато с идеями.

Он поднял палец и сделал торжественную мину.

– Во-первых, мы сейчас звоним Верочке и Моники.

– Каким это? – буркнул я.

– Верочке Алиевой и Моники Арчер.

Я на него посмотрел.

– А, этой Моники? Дельно, она славная. Но Алиевой-то зачем?! ВИДовской журнашл... листке? Знаешь, то, что ты когда-то там с Алиевой гулял майскими вечерами, сейчас не

сработает: она на другой стороне.

– Она отличная девочка. – Юл упрямо мотнул головой. – До сих пор отличная. Несмотря ни на что. И потом, она очень талантливый рекламщик...

– Я помню, какой она рекламщик, – сказал я, начиная раздражаться. – И какие именно идейки она рекламировала. С видеоцитатами из Центрального архива. Насчёт зверств коварного врага.

– Ну... – растерялся Юл. – Куда же ей было деваться? У неё ведь тоже работа... правительственный заказ.

– Фальсификации для правительства. Деза. Всю войну на истерию работала твоя Алиева. На ярость благородную. Прости, бесит.

– Отвечаю головой: она точно не занималась фальсификациями намеренно, – сказал Юл истово. – Она верила в то, что говорит. Война же. Кругом – целый океан противоречивой информации. Где правда, где ложь – только единицы знают точно, даже непосредственных участников событий пропаганда путает. Но на самом деле это неважно. Война уже кончилась – значит, в любом случае рисовать агитки больше не нужно. А доступ к Центральному архиву у неё и вправду есть. Может сработать совсем наоборот.

– Лучше уж Монике, – сказал я. – Правда, не знаю, чем она может помочь.

– Деньгами, – кратко пояснил Юл и набрал «Врачей во Вселенной» раньше, чем я успел как-то отреагировать.

Наша старая подруга Моника с готовностью ответила на вызов. Милая Моника... пушистая блондинка, кукольная мордашка начинает увядать: некогда нашим товарищам гоняться за модной юностью. Глаза усталые, а улыбка – как прожектор. Настоящая американская улыбка, стопроцентная, как на рекламе зубной пасты. Голливудская. Скрывающая усталость. Профессиональная маска.

Ей тоже приходится тайком от своих. У штатников, по слухам, всё ещё хуже.

– Боже мой! – затараторила она, освещая нашу рубку сиянием улыбки. – Джулиан, Алесь, привет, привет! Как дела, мальчики?! Надеюсь, у вас всё хорошо?

– Привет, – невольно улыбнулся и Юл. И у меня физиономия расплылась. – А твои дела? И где ты?

– О'кей! – с готовностью выдала Моника. – Я в штаб-квартире «Врачей», в Вашингтоне. Вернулась с нашей базы на Плутоне – вот буквально только что! Видите, умыться не успела!

Её улыбка продолжала сиять, но вокруг глаз яснее залегли морщинки, вокруг рта залегли морщинки, и голливудский свет уже не скрывал сорок лет, бессонные тревожные ночи, адскую работу и бесчисленное множество бед, в которых Моника и её друзья никак не могли помочь.

– Моника, милая, мы по делу, – сказал я. И рассказал. Так кратко и так чётко, как смог.

Она слушала, не гася улыбки. Человек поверхностный и

не знакомый с ней мог бы подумать, что вся эта история совершенно легкомысленную американку не занимает. Но стоило мне замолчать, как Моника тут же выдала со скоростью пулемёта:

– Скажи, Алесь, дорогой, что нужно раньше всего и перво-наперво? Молочную смесь и витамины могу достать прямо сейчас, сию минуту – полторы тонны молочной смеси и двенадцать тысяч порций витаминов. Только не знаю, подойдут ли – я не ксенолог...

– Жаль тебя огорчать, но молочная смесь точно не подойдёт, – сказал я. – Шедми – не млекопитающие. У них в организме нет ферментов, позволяющих усваивать молоко, даже в самом раннем детстве. А вот витамины – это неплохо. Достать бы натурального рыбьего жира...

– Ах, это пустяки! – просияла Моника. – Я сейчас позвоню Ирэн, рыбий жир будет. Но Алесь, дорогой, я понимаю, что дело не в жире и не в витаминах, дело в деньгах, так? Нужны большие деньги, верно? Малюток надо устроить, нужна хорошая пища, медицинская помощь... Мальчишки, я сделаю всё, что смогу. Я сейчас позвоню Рэю, потом я позвоню Олли, потом Франческе надо позвонить, и мы вместе обзвоним всех влиятельных людей, до которых дотянемся. По всему миру, вот так! Я добуду денег. Если надо, Рэй будет играть у них под окнами на банджо, а я буду петь кантри тяжёлым басом, но денег мы выбьем.

– Цены тебе нет! – воскликнул Юл.

– Это ты хочешь сказать, что я бесценное сокровище или что я ничего не стою? – рассмеялась Моника. – О, ваши русские идиомы! Всё это пустяки. Мальчишки, будьте всё время на связи. Как только мы получим первые средства, я тут же сообщу вам. Целую-целую!

Моника сбросила вызов. Я вздохнул.

– Ей, конечно, и вправду цены нет, – сказал я. – И пожертвования из американцев и канадцев она выбьет, это точно. Но если нам не отдадут детей, то всё потеряет смысл.

Юл затряс головой:

– Да ты не понял! Если у нас будут еда и лекарства, они не смогут нам сказать, что на детей нет средств! Отберём у них хоть один козырь, а? Плюс – Моника и её коллеги раззвонят по всему свету.

Я невольно усмехнулся:

– Ну, звучит-то неплохо...

– А Верка добьёт ситуацию, – уверенно заявил Юл. – Перетянет общественное мнение в нашу пользу. Ты её не знаешь, а я знаю.

И так же уверенно, как говорил, набрал личный код Алиевой.

Судя по всему, Вера спала или только что проснулась: без макияжа, с взлохмаченной чёлкой... Но в общем и целом она выглядела куда лучше Моника. Свежее. Её лицо, строгое и красивое, чуть скуластое, с длинными и узкими, как у лисы, тёмными глазами и азиатским крылатым взмахом бро-

вей, без боевой раскраски видеожурналиста казалось неожиданным юным, как у девочки-подростка. Я вспомнил, что сотрудники ВИДа прозвали её Дочерью Чингисхана.

И суровая Дочь Чингисхана неожиданно просияла.

– Ой, Юльчик! – Я, знавший её только по видеосводкам, даже представить себе не мог, что она способна на такую интонацию. На искреннюю девчоночью радость. – Слушай, Юльчик, а я разыскивала тебя уже два дня! Как здорово, что ты нашёлся! А этнографы сказали, что ты опять улетел в ту дыру, где лагерь военнопленных... Но ты из космоса звонишь, да?

– Завтра буду на Земле, Верка, – сказал Юл. – А зачем я тебе?

– Я без тебя жить не могу, – рассмеялась Вера. – И ещё хочу на лазерное шоу в Москве вместе с тобой. Вся Земля ещё празднует, моя группа ВИДа освещает это светозарное событие... Ты же можешь сопровождать меня на бал, а?

Я слушал и дивился. Её журналистский имидж потрясающе не соответствовал реальному поведению. Я слышал, что Алиева училась на историческом, что в истории она специализировалась на эпохе Тоталитаризма, временем своей специализации, как многие увлечённые историки, тайно восхищалась, и её эрудиция во всём, что касалось этого времени, просто зашкаливала. Себя она, похоже, считала помесью Левитана и Эренбурга, только в юбке. Её лицо и голос ассоциировались у всего мира с нашими военными сводками. Гово-

рили, что она не только сама писала сценарии для агитационных документалок, но и подала идею позывных Российской Федерации, от которых даже у такого не сентиментального типа, как я, по коже полз мороз. Говорили, что это фрагмент очень старой песни, из той самой эпохи, к которой Алиева неровно дышит. Сильный и скорбный, как колокольный звон, женский голос: «Я – Земля! Я своих провожаю питомцев, сыновей, дочерей...» И благословение, и напутствие, и мольба о возвращении.

ВИД в военной форме. Непривычно видеть эту орлицу милым встрёпанным птенцом спросонья, весело болтающим о развлечениях с интересным парнем.

Но и встрёпанность, и трогательность мгновенно исчезли без следа, как только Юл рассказал. Лицо Веры окаменело.

– Детёныши шедми... – повторила она таким тоном, каким следователь задумчиво повторяет слова раскрытого шпиона. – Ничего себе. Так много. Знаешь, ты меня ошарашил, Юлик... А доставить их на вашу базу на этой Эльбе – никак? Если уж вы хотите их оставить...

– Ты сама сказала: там лагерь для военнопленных, – ответил Юл. – Предлагаешь считать военнопленными новорождённых малышей? При том, что война уже кончилась, их родители и родственники мертвы, а их самих даже вернуть некуда? Верка, пойми, это же дети! Они-то в чём виноваты? Думаешь, они виноваты хоть в чём-нибудь?

Вера задумалась.

– Но что я могу? – сказала она после долгой паузы. – Надо сначала ставить в известность Мировой Совет, пусть они примут какое-нибудь решение... или устроят референдум...

– Верка, милая, это долго, – взмолился Юл, подавшись вперёд. Мне показалось, что он сейчас попытается поцеловать голограмму. – Ты пойми: станция – после боёв, реактор течёт, она еле живая, а дети совсем маленькие. В анабиозе. Мы своих новорождённых стараемся в анабиоз не класть, вредно – а у них выхода не было, понимаешь? Пока наши будут решать, умрут дети-то. Возьмёшь грех на душу?

– Везти их на Землю не разрешат, – сказала Вера. Её голос чуть погрузнел, и я подумал, что некий шанс договориться всё же есть. – Ни за что, хоть разбейся. Это я гарантирую.

– Так и не надо на Землю, – замотал головой Юл. – На Земле им в любом случае будет тяжело обеспечить условия. Их бы пока на какую-нибудь нашу станцию, в мир, где более-менее подходят климат и гравитация. Надо из анабиоза детей поднять, надо хорошую еду, врачей... Да ладно, хоть просто всем рассказать об этой станции, чтобы уже нельзя было бросить их умирать. А потом попробуем договориться о чём-нибудь с Советом.

Вера молчала.

– А ты рассказывала, – продолжал Юл, – что наши предки детей нацистов кормили. В Берлине, после той Победы... А тут их ведь могут просто выбросить из криокапсул, потому что военным нужно шедийское оборудование! Мы совсем

уже выродились, да? Сами стали как нацисты?

Щёки Веры вспыхнули, а в глазах мелькнула искра то ли понимания, то ли озарения.

– Ладно, Юлик, – сказала она решительно. – Вам нужно вызвать общественный резонанс, да? И деньги? Я поговорю с ребятами. Мы сейчас сверстаем ролик социальной рекламы, вроде мольбы о помощи, и я запущу его по всем основным каналам ВИДа. Так пойдёт?

– Верка! – расцвёл Юл. – Ты ангел!

Лицо Веры отражало множество сильных чувств, и среди них, по-моему, не было ни сочувствия, ни жалости. Главное – этакий журналистский азарт. Я понял, что ей уже страшно хочется решить очередную агитационную задачу. И что она решит. Профессионал высочайшего класса.

– У нас ещё и видео есть, – сказал Юл таким тоном, каким сообщают ребёнку о сюрпризе в праздничный день. – Много видео, с разных ракурсов.

– Видео с той станции? Отлично! – Азарт окрасился искренней радостью. – Пришли мне защищённым пакетом. Знаешь, я сейчас подумала, что как раз после Победы это отлично пойдёт, просто замечательно. Мы его сразу закинем в Сеть, я сама сделаю рекламу – это гарантированные перепосты... В общем, к твоему приезду все уже просмотрят. Бомба будет. А тебе покажу, как только закончу монтаж.

– Ни секунды в тебе не сомневался! – просиял Юл. – Чудоты! Увидимся в Москве?

– До связи, Юльчик, – кивнула Вера. – Ну да, конечно, в Москве. А потом... Ох, нет, потом поговорим!

Голограмма пропала.

– Интересная девушка, – сказал я. – Ты, мой неотразимый друг, знал, что она согласится не ради каких-то там шедийских бельков, а ради тебя? Однако...

– Нехорошо использовать личные контакты, да? – смутился Юл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.